

A man and a woman are sitting on a bed in front of a large window. The woman, on the left, has long, curly red hair and is wearing a yellow cardigan over a blue top. She is smiling and looking towards the man. The man, on the right, has short dark hair and a beard, and is wearing a grey tank top and blue jeans. He has his arms crossed and is looking back at the woman. The window behind them shows a cityscape with buildings and trees under a blue sky with clouds. Red curtains are on either side of the window. The overall mood is intimate and contemplative.

Анна Шнайдер

Друзья?
или
любовники?

Анна Шнайдер

Друзья или любовники?

<https://litres.ru/74204604>

Аннотация

Ярослав собирается разводиться с женой - она ушла от него к другому мужчине. Он переезжает на свою старую квартиру и встречает Алину, бывшую одноклассницу, которая в разводе уже два года и никак не может наладить личную жизнь. Как говорится, вы привлекательны, я чертовски привлекателен - чего зря время терять? Жаль, что Алина не спешит соглашаться. Ещё и жена разводиться передумала...

Тег "измены" выставлен, потому что они будут в тексте, но не между главными героями.

По традиции - обсуждения героев приветствуются в любых, даже самых резких выражениях, но переход на личности будет пресекаться. Автор - за вежливое отношение друг к другу.

Содержание

Пролог	4
1	8
2	13
3	18
4	24
5	30
6	37
7	43
8	49
9	52
10	57
11	61
12	65
13	69
14	73
15	78
16	82
17	86
18	92
19	96
20	100
21	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Пролог

Алина

— Ты сейчас серьёзно?

Мне показалось, или Яр действительно это сказал? Нет, ну мало ли — вдруг у меня слуховые галлюцинации начались. Сегодня, говорят, магнитные бури.

— Абсолютно, — кивнул Корнеев, уплетая за обе щеки мои тефтели с грибным соусом и жареной картошкой. Надо всё-таки с него уже плату начинать брать за кормёжку, а то за неделю этот проглот уничтожил почти все мои месячные запасы. — А что, ты думаешь, у меня в кармане где-то припрятана табличка «Сарказм»?

— Да кто тебя знает... — протянула я и сделала вид, что рассматриваю нагрудный карман на рубашке Яра. — Хотя, судя по тому, что ты сказал, там не табличку искать надо, а тяжёлые наркотики.

— Это ещё почему? — насмешливо приподнял чёткие тёмные брови Корнеев. Эх, мне бы такие брови. Правда, тогда и цвет волос нужен другой, а не рыжий, но это уже детали. — Подумай сама: идеальный же вариант. Ты мне сама жаловалась, что никак не можешь наладить личную жизнь, я тоже сейчас не горю желанием искать девушку. Я не хочу отношений, понимаешь? Никаких, кроме горизонтальных. А

возможная девушка наверняка начнёт клевать мне мозг. Любая, кроме тебя. Поэтому...

— Поэтому ты решил, что я должна обладать дополнительной функцией? — Я даже засмеялась. Мне до сих пор казалось, что Корнеев сейчас расхохочется во всю глотку и заявит: «Ага, Пирожкова, повелась!». Почти как в пятом классе, когда на Первое апреля Яр убедил меня, что если съесть грифель от карандаша, то поднимется температура и можно будет не идти в школу. Грифель я слопала в тот же день, но до сих пор не знаю, поднялась ли у меня от него температура. Мне было не до неё, потому что о грифель я сломала передний зуб. И в школу на следующий день на самом деле не пошла: вместо неё пришлось ехать к стоматологу.

Вот и сейчас это всё смахивало на дурацкую шуточку. Не грифель, конечно, но тоже тупо.

— Ты не должна, — покачал головой Яр и улыбнулся. Кажется, он отлично видел, что я сомневаюсь в его адекватности, и это его забавляло. — Я просто предложил. Не хочешь — отказывайся. Твоё право. Но всё-таки подумай, вариант-то действительно хоро...

— Какой вариант хороший? — Я плюхнулась на табуретку и проникновенно посмотрела на Яра. И ведь, главное, умирать тефтели он так и не перестал! А у меня от подобных вопросов вообще аппетит испортился. — Вместо того, чтобы быть твоим другом, стать любовницей? Просто замечательная идея! У тебя друзей, что ли, много? Поэтому можно

одним пожертвовать?

— Да мы останемся друзьями, чем это мешает-то? — Корнеев, судя по всему, недоумевал вполне искренне. — Алин, я не понимаю. Будем общаться как общались, просто, если захочется секса, не надо думать, где его взять, — договариваемся, встречаемся, трахаемся и расходимся до следующей встречи. Что тебя смущает?

Меня смущало всё.

Вообще всё.

Но, как это выразить словами, я не знала.

Вот как объяснить человеку, почему нельзя ходить по улице голым, если ему жарко и от одежды крапивница? Взрослые люди обычно стесняются наготы, вот и одеваются. Но если не стесняться, то и одежда не нужна.

И Яр, судя по всему, не стеснялся. А мне было странно, что я стану с ним... э-э-э... это самое!

Да я его даже в щёку никогда не целовала!

— Слушай, — вздохнула я и потёрла ладонями глаза. — Давай завтра обсудим, а? Я ужасно устала на работе и хочу спать, а тут ты со своими странными речами. У меня из-за тебя и глаза, и мозги в кучку.

— Без проблем, — кивнул Корнеев, а потом, как ни в чём не бывало, отодвинув опустевшую тарелку из-под тефтелей, предложил: — Вообще можем провести эксперимент. Попробовать друг друга, и если не понравится, то...

— Попробовать? — с подозрением уточнила я, неожидан-

но ощущая какое-то сладкое волнение. — Это как? Я же не еда, чтобы меня пробовать.

— Сейчас расскажу...

1

Алина

За неделю до...

Когда я увидела возле нашего подъезда Ярослава Корнеева, то безумно удивилась.

Очень необычное ощущение — я будто внезапно перенеслась на машине времени в будущее и теперь имею честь лицезреть внезапно постаревшего одноклассника.

Сколько лет назад я видела Яра в последний раз? Лет пять прошло. С тех пор мы регулярно переписывались — не каждый день, но часто, — однако не встречались: не было времени. Поэтому образ Корнеева в моей голове был несколько иным, чем теперь, когда я его увидела.

Я несколько раз звала Яра на свои экскурсии, но он постоянно отшучивался, что бродить три часа по Москве не выдержат его древние ноги. Думаю, отчасти это даже было правдой — в детстве Корнеев получил неприятную травму, из-за которой у него во время бега на длинные дистанции болело колено. Пешеходные экскурсии, конечно, не бег, но тоже нагрузка ого-го, по себе знаю.

Впрочем, это всё лирика. Пять лет я Ярослава не видела, и с тех пор...

— Ну у тебя и борода, — вырвалось у меня, и Корнеев

обернулся, уставившись на меня с недоумением. А через секунду улыбнулся и выдохнул:

— Алинка, ты?

— Кто ж ещё, — хмыкнула я, разглядывая бородатую физиономию Яра. Кошмар, какие мы с ним старые! Я помню его первоклассником с букетом гладиолусов, а теперь у него усы и борода. — Какими судьбами ты тут? Квартиру, что ли, решил сдавать?

Корнеева вырастил отец, но он умер, когда Яр ещё в институте учился. Для моего друга это был чёрный день. Да и для меня тоже — дядю Васю я любила.

Поначалу Яр жил один, но сразу после института женился и переехал на другой конец города — у его жены была там своя квартира, вроде бы трёхкомнатная. Корнеев-то теснился в однокомнатной. Сдавать он её не стал — сказал, что проблем от этого больше, чем денег. Пусть лучше стоит и ждёт своего часа — пригодится. Не ему, так детям.

«Дети», точнее, дочь у Яра была. Лет шесть ей уже.

— Нет, не сдавать, — ответил Корнеев, качая головой. — Я жить тут буду. Развожусь я, Пирожок.

Я обалдела. И, нет, не потому что Яр назвал меня Пирожком — это было моё прозвище ещё с детского сада, ничего необычного, меня так называли многие одноклассники из-за фамилии Пирожкова. Тем более что в детстве я была пухленькой, так что сам бог велел меня поддразнивать. Да я и сейчас не страдала стройностью, не вылезая из сорок вось-

мого размера одежды.

Обалдела я, потому что Яр женился по безумной любви. На своей однокурснице, за которой ухаживал целый год на первом курсе, и когда она ответила взаимностью, он светился как фонарик.

— М-м-м, — глубокомысленно промычала я, и Корнеев засмеялся, но немного печально.

— Да-а-а, сам не ожидал. Но вот... Так сложилось, — как-то скомканно закончил Яр, и я сразу поняла: не хочет рассказывать, что у него там «так сложилось». Ну, его право. — Зашёл в магазин, — продолжал Корнеев, кивая на пакеты, разложенные на лавочке перед подъездом. Именно здесь я его и увидела, когда шла домой с работы. — Купил себе еды, но не повезло — вот, ручки у пакетов порвались. А то дома же нет ничего. И холодильника нет, я его отдал давно, он старый был.

— Ну и зря, — вырвалось у меня. — Старые холодильники вечные. Как говорит моя мама: «С холодильником "Мир" ничего не будет, даже если мир перевернётся».

— Точно, — улыбнулся Яр. — Как поживает тётя Нина, кстати?

— Хорошо поживает. Мне кажется, даже лучше, чем я, — пошутила я, улыбнувшись в ответ. — Слушай... А давай сейчас ко мне? Я тебя ужином накормлю.

Клянусь, у Корнеева почти слюна изо рта закапала, когда он услышал волшебное слово «ужин».

— Всегда ты была жалостливая, Пирожок, — вздохнул Яр то ли восхищённо, то ли укоризненно. — Я помню, как мы с тобой в младших классах ходили кормить дворовых кошек «Вискасом», потому что ты их ужасно жалела. И как ты постоянно котят и щенков домой таскала. А один раз большую собаку притащила, помнишь? Хорошо, что она оказалась потеряшкой и её потом забрали хозяева. А то у тёти Нины чуть инфаркт не случился.

— Да-а-а, — протянула я с ностальгическим вздохом и достала из сумки через плечо складной пакет для продуктов. Точнее, это был мешок. Ярко-зелёный, весёленький. — Держи, перемещай сюда свою поживу, и пошли ко мне. Будем есть и вспоминать былое.

Через мгновение, когда Корнеев начал перекладывать покупки, я услышала звон стекла, заметила, как сразу после этого Яр виновато замер, и хмыкнула.

— Не стесняйся. Я тоже пару дней пила, когда решила разводиться с Лёшкой. Это нормально.

— Не уверен, — буркнул Яр и поморщился. — Я уже лет десять не пью, а тут вот взял и коньяк купил.

— Это ты зря, — посетовала я с укоризной. — Кто же коньяком развязывается? Надо было с пива начинать. Ну или с вина слабенького. Ты бы ещё абсент купил.

— «Зелёной феи», увы, не было, — Яр звякнул последней бутылкой и выпрямился. — Всё. Веди меня, Сусанин, я готов.

— Только у меня там немножко не убрано, — на всякий случай предупредила Корнеева я, но он засмеялся и повторил:

— Веди-веди.

Ярослав

Встретить у подъезда бывшую одноклассницу Алинку Пирожкову неожиданно оказалось очень приятно. Последнюю неделю Корнеев существовал в каком-то перманентном отчаянном угаре, но стоило увидеть Алину — и словно вернулся в то время, когда самой значительной проблемой была ближайшая контрольная по физике. Эх, беззаботное детство! Его полноценной частью была Алина, с которой они вместе каждое утро много лет подряд ходили в школу. Она жила на два этажа ниже, и Яр часто видел её и после окончания школы, несмотря на то, что их дороги разошлись — он выбрал своей специальностью логистику, а Алинка — непрактичная личность! — пошла на истфак. В итоге у неё, правда, всё сложилось вполне неплохо: ещё учась в институте, она с командой других ребят стала организовывать «камерные» экскурсии по Москве, водила небольшие группы за символическую плату. Маршруты ребята разрабатывали сами — чтобы было интересно и нестандартно. Материалы добывали не только в интернете, но и в библиотеках. Постепенно раскручивали в соцсетях свою группу, причём за рекламу не отдали ни копейки, зарабатывая популярность пу-

тём сарафанного радио. В итоге через пару лет после института один из однокурсников Алины оформил на себя ИП, а остальные стали сотрудниками. Так она до сих пор и водила экскурсии — исключительно пешеходные, каждая часа на четыре. Ярослав всё хотел прийти и послушать одноклассницу в деле, но каждый раз находились более важные дела. А Алинка и не обижалась — она вообще была необидчивой. Корнеев ей даже завидовал иногда — ему бы такой лёгкий характер и незамороженность! Он так не умел. Во всё вникал, из-за всего начинал рефлексировать. Жена за это порой называла его душнилой.

На самом деле с Алиной они познакомились совсем даже и не в школе, а гораздо раньше. Отец Яра, Василий Павлович, утверждал, что ещё на детской площадке, когда оба только начинали ходить. Смеялся и говорил, что они сразу не поделили какую-то машинку — вцепились в неё с двух сторон и плакали, перетягивая друг у друга, пока оба не шлёпнулись на попы.

Яр всего этого, конечно, не помнил. Смутно, если напрягаться, перед глазами возникал образ Алины-«снежинки» — в белом платье, усыпанном серебряными блёстками. Или за маленьким столиком, с ложкой в руках, уплетающей какой-то суп. Но куда ярче, естественно, были образы уже из школы — первый класс, совместное сидение за одной партой, выпускной вечер. И, конечно, походы друг к другу в гости. Вот это случалось постоянно, пока они учились в школе,

да и потом, бывало, бегали туда-сюда.

Алина была единственным человеком, с которым Яр ни разу в жизни не ссорился. Ему порой казалось, что это просто невозможно — настолько незлобивой и незлопамятной она была. Даже на своего мужа, несмотря на то, что он поступил с ней нехорошо, не обижалась. Рукой только махнула — и давай дальше жить. Поэтому Яр даже удивился сейчас, когда Алина сказала, что после решения о разводе пару дней пила. Он не мог такого представить. Чтобы Алина — вечный ходячий позитив — стала пить с горя? Нет, это, скорее всего, шутка такая.

С остальными одноклассниками Яр, бывало, общался — не со всеми, но пара человек набралось бы, — но с Алиной всё-таки больше и чаще всего. По крайней мере, переписывался. Встречались они редко, особенно в последние годы — после того, как у Корнеева родилась Соня.

Что ж, теперь вновь начнут чаще видеться. Сказал бы ему кто ещё пару недель назад, что он решит развестись с Лилей, — в жизни бы не поверил, посмеялся бы только.

— Добро пожаловать, дорогой Карлсон! — пафосно заявила Алина и, оглянувшись на Яра, добавила: — Ну и ты, Малыш, заходи.

Корнеев расхохотался, перешагивая через порог.

Сам он никогда не умел настолько легко относиться к собственным недостаткам, как Алина. Она никогда не заморачивалась — ну пухленькая, подумаешь. А когда её дразни-

ли Карлсоном, извинялась, что забыла дома свой моторчик, чем вызывала оторопь у тех, кто её дразнил, — у них-то с чувством юмора было туго.

Класса до девятого Яр действительно был небольшого роста, но потом как вытянулся! Они с отцом тогда на море уезжали на всё лето, а когда вернулись, Алина, увидев его, показательно задрала голову и восхитилась:

— Класс! Наконец ты сможешь допрыгнуть до Игоря Верзилова, чтобы дать ему в морду.

Яр на неё не обиделся, посмеялся только. И сейчас смеялся, вспоминая это старое прозвище — Малыш Корнеев, — которым его называли в школе много-много лет. С одной стороны, хорошо, что больше не называют, но с другой — какое же беззаботное было время!

— Разувайся, мой руки и проходи на кухню вместе со своим мешком подарков, — сказала Алина, скидывая с ног белые босоножки. Так и потопала в ванную босая. — Тапочек, извини, у меня нет. Только мои, но они тебе не налезут, да и вообще неизвестно где — может, под кроватью. Надо поискать.

— Как же ты живёшь без гостевых тапочек? — удивился Корнеев, вспоминая привычку Лили держать в обувнице целую полку тапок разного размера. — Гостей не бывает?

— У меня были тапочки раньше. Но их Лёшка покупал. И после развода он всё забрал с собой, — крикнула из ванной Алина, и Яр едва на пол от удивления не свалился.

Да, муж Пирожковой ему никогда не нравился, как и она была не в восторге от Лили. Это Корнеев знал точно, хотя Алина не комментировала его брак — скорее всего, считала неэтичным. Он тоже не высказывался, про себя считая Лёшку прижопистым чмом. Но забирать после развода тапочки? Это уже даже не прижопистость, а что-то психическое.

— Интересно, что ещё он забрал... — пробормотал Яр, как ему показалось, вполне тихо, но Алина, как раз выходящая из ванной, услышала и с улыбкой ответила:

— Я же сказала — всё. Точнее, всё, что мог. Хорошо хоть меня саму не расчленил и в сумку не засунул — мол, в хозяйстве пригодится, бульон варить.

— Фу, Пирожок, — поморщился Корнеев. — Слишком чёрный юмор.

— А что поделать? Жизнь — она же как зебра. То белая полоса, то чёрная, а потом — оп! — Алина хлопнула в ладоши. — Жопа!

— У меня сейчас как раз она самая.

— Я так и поняла.

Алина

Выглядел Корнеев — ух, чума! В плохом смысле этого слова. Краше в гроб кладут. Хорошо, что бороду и усы отрастил — они как-то сглаживали впечатление от его бледно-зелёной физиономии и унылых глаз. Отвлекали внимание на себя, так сказать.

Я когда-то выглядела примерно так же, только что без усов и бороды. Но тоже была похожа на фантик, который кто-то смял и выбросил за ненадобностью, раздавив каблук-ом леденец-сердце. Поэтому я отлично понимала, в каком состоянии сейчас находится Корнеев, и собиралась ему помочь. Друг я или кто?

— Какая сегодня экскурсия была? — поинтересовался Яр, заходя на кухню слегка посвежевшим. И поставил передо мной на табуретку сумку со своей провизией. Я сразу сунула туда нос и ответила:

— «Легенды и мифы Замоскворечья». Одна из самых популярных, приезжие на неё часто ходят. Коренные москвичи предпочитают что-то более необычное. По тому же Замоскворечью у нас другая экскурсия есть, называется «Замоскворечье промышленное». Там...

— Погоди-погоди, Алин, — замахал на меня руками Яр,

улыбаясь. — Давай ты всё это мне после ужина расскажешь, а? Я на голодный желудок информацию, мягко говоря, не воспринимаю.

— Это я ещё с детства помню, — фыркнула я и покачала головой. — Ох, Яр, ну у тебя и наборчик! Пельмени, сосиски, колбаса, огурцы солёные... Комбикорм какой-то.

— Комбикорм — это совсем другое.

— Неважно. Убийство желудка, короче! Давай я тебе лучше что-нибудь нормальное приготовлю, из своих запасов. А это потом заберёшь, как домой пойдёшь. Тут самое нормальное, как ни странно — твой коньяк! Остальное — просто жуть.

— Чем плохи эти сосиски? — нахмурился Яр.

— А ты состав читал?

— Зачем? Я же их есть буду, а не читать. Они вкусные, я знаю, поэтому и взял.

— Так, ладно, — я махнула на неисправимого Корнеева рукой и убрала его сумку в холодильник. Вместе с коньяком. — Садись, сейчас я буду кашеварить. А ты давай, бухти мне. Можешь не про развод, а про что-нибудь ещё. Про работу, про отпуск будущий. Конец мая всё же, лето скоро. Поедешь куда-нибудь?

— Не знаю, — вздохнул Яр, опускаясь на табуретку. И тут же крякнул от удивления, когда к нему на колени вспрыгнула Фанта — моя рыжая и до безобразия пушистая кошка. — О боже, ты до сих пор здесь? Сколько ей лет-то, Алин?

— Э-э-э, — протянула я, напрягая память. — Кажется, восемнадцать.

— Ничего себе, — восхитился Корнеев и принялся наглаживать Фанту, которая начала ластиться к нему и бодать лбом.

— Смотри-ка, помнит, — засмеялась я, с удовольствием наблюдая за этой парочкой. Правильно, Яр, наглаживай Фанту, наглаживай. Кошки лечат. В том числе и душевные раны. — Ты её любовь, точно тебе говорю. Никого больше она так не обхаживала, как тебя. С Лёшкой вообще в вечных контрах была, демонстративно игнорировала. Хорошо хоть в тапки не дула.

— Может, и следовало бы, — пошутил довольный Яр. Из его глаз наконец ушла тоска, сменившись весельем. — Тогда оставил бы их тебе.

— На фига мне обоссанные тапки? — картинно возмутилась я, и Корнеев засмеялся.

Дальше разговор потёк естественно, вертясь вокруг отвлечённых тем — моей и его работы, успехов Сони — дочери Яра, — ну и традиционного «как поживают общие знакомые». Обсуждать бывших одноклассников вообще можно бесконечно — кто женился, кто развёлся, кто родил, кто в другую страну уехал.

Тему развода с Лилей я намеренно обходила. Ни к чему это сейчас. Захочет — сам поведает, что у них там случилось, отчего он решил расстаться со своей безумной любо-

вью и уехать от дочери-шестилетки. Однако я поймала себя на мысли, что верю — Корнеев не сделал ничего плохого.

Он вообще хороший парень. Повезёт его будущей жене.

— Ты что готовишь-то? — поинтересовался в какой-то момент Яр, и я с энтузиазмом ответила:

— О! Тут у меня рис басмати по китайскому рецепту, в интернете вычитала. С помидором и оливковым маслом. Очень вкусно получается, сейчас попробуешь. Ещё я нам с тобой два стейка жарю. И соус делаю острый, типа аджики — вот, в кастрюльке. А пить будем компот, я на днях целую кастрюлю сварила, в холодильнике стоит. Очень вкусные сливы купила, половину съела, а из второй половины...

— Стоп-стоп-стоп! — засмеялся Яр, аж всхлипывая. — Алин, остановись, я же сейчас захлебнусь слюной!

— Зачем тогда спросил?!

— Чтобы знать, чем так вкусно пахнет.

— Много будешь знать — слюной захлебнёшься, — пошутила я, погрозив Корнееву ложкой, и тоже улыбнулась. Выглядел бывший одноклассник уже почти нормально, как живой человек, а не бородатое умертвие. Вот поест — и вообще приободрится. Глядишь, и расскажет, что у него случилось.

— А где сейчас твоя мама? — поинтересовался Яр и откровенно облизнулся, глядя себе в тарелку, куда я выкладывала все вкусности. Так, ещё соус. И огурцы порезанные. Не его маринованные, из банки, а вполне свежие, луховицкие. Я

такие огурцы очень люблю, они самые лучшие — и сладкие, и хрустящие.

— Мама-то? — протянула я, стараясь не отвлекаться, чтобы ничего не забыть и не перепутать. Рис, стейк, соус, огурцы... Ага, ещё компот же! — Да как обычно — путешеству-ет.

— Это я понял. А где?

— Ну сейчас она в Ярославле, через недельку, говорит, в Кострому отправится. А отец на даче в Подмосковье.

Родители у меня — люди своеобразные. Мама всю жизнь мечтала путешествовать, а папе, наоборот, этого совсем не надо — лишь бы на одном месте сидеть и картошку сажать. Любит он сад-огород, а мама наоборот. Вот после выхода на пенсию и решили, что хватит себя ограничивать, поэтому теперь мама ездит по городам и весям, а папа живёт на даче.

Главное, что все довольны.

— А за границу она по-прежнему не хочет?

— Хотеть-то она хочет, но где денег взять на эту заграни-цу? — хмыкнула я, поставив тарелку перед собой. Села, потёрла ладони между собой и, хитро посмотрев на Яра, кото-рый уже с нетерпением мусолил в руке вилку, подняла ста-кан с компотом. — Давай-ка выпьем, что ли? За встречу.

— Издеваешься, — усмехнулся Корнеев, и я сделала свя-тые глаза.

— Нет, ну что ты! Повод-то какой — увиделись впервые за много лет. Даже не знаю, кого за это благодарить...

Я хотела пошутить в стиле «Бога или чёрта», но Яр зацепился за эту фразу и, погрузнев, произнёс:

— Лилю, конечно.

Ага. Значит, всё-таки решил исповедоваться.

Ярослав

Изначально он не собирался рассказывать Алине про то, что случилось у них с Лилей. То ли стыдно было, то ли ещё что-то. В любом случае — обсуждать не хотелось. Но потом подумал — всё равно ведь кому-то надо рассказать, иначе так и с ума сойти недолго. Почему бы и не Алине? Она точно не станет ни с кем перетирать эту тему и сплетничать. Ярослав знал точно, что его одноклассница и подруга детства — из тех, кто никогда не ударит в спину. Алина могла помочь и поддержать, но унижение или насмешки — это не про неё.

— Знаешь, я неожиданно оказался из тех лохов, которые ничего не замечают, — вздохнул Корнеев, и Алина моментально отреагировала, протянув ему раскрытую ладонь:

— Я тоже. Давай пожмём друг другу руки, как два лоха и товарища по несчастью.

Яр засмеялся и сжал ладонь Алины, краем сознания отметив, какая у неё нежная и тёплая кожа.

От этой незатейливой шутиливой поддержки было приятно.

— После того, как Соня стала нормально ходить в детский сад, Лиля вновь вышла на работу, — продолжал Кор-

неев после небольшой паузы, во время которой пережёвывал первый кусок мяса. Отменного, надо признаться, мяса. Но Алинка всегда хорошо готовила — ещё когда в школе училась. — Не по специальности, правда, логистикой заниматься она не захотела. Сказала: слишком много геморроя. Устроилась секретарём в одну крупную компанию по продаже автомобилей. Могла бы и логистом туда же, зарплата была бы больше, но упёрлась, что на фиг ответственность, хватит с неё. Взяли её легко благодаря тому, что в наличии два языка — английский и китайский. Лиля была довольна, говорила мне, что её ценят. С удовольствием на работу ходила, счастливая такая. Дома у нас всё нормально было, не ссорились — ну, только если по мелочам. А неделю назад она пришла, дождалась, когда Соня спать ляжет, и говорит: «Корнеев, я другого люблю».

Алина сочувственно улыбнулась:

— По стопам Лёшки пошла. Ну, почти.

— Угу. Я в тот момент ушам своим не поверил, думал, шутка такая. Но нет. Стала рассказывать, что у неё, оказывается, уже давно роман с одним из руководителей на работе. Чем он занимается, не сказала, да это и неважно. Она сначала думала, мол, это несерьёзно, но теперь он вроде как разводится и предлагает ей пожениться.

Пирожок поперхнулась рисом. Схватила стакан с компотом, сделала глоток и выдохнула возмущённое:

— А Соню куда?!

— Ты прям как я, — хмыкнул Корнеев. — Я спросил то же самое в первую очередь. Меня не настолько волнует, сколько времени Лиля меня обманывала — какая разница, пару месяцев за нос водила или пару лет. Водила же. Но с Соней как быть? Тот мужик, получается, согласен жить с чужим ребёнком? Лиля сказала — да, его это не смущает.

— Ого, — пробормотала Алина и покачала головой. — Кажется, в её мире существуют розовые единороги, которые бегают по радуге.

— Возможно. Я не знаю этого мужика. Знаю только, что у него самого трое детей! Какая-то дичь, тебе не кажется?

— Кажется, — кивнула Пирожок. — Хотя существует, конечно, вероятность, что это великая любовь, но пока не верится. Слишком много грязи для величия.

— В общем, я сказал, что развод дам, — процедил Яр, вспоминая тот момент. Алине он рассказывал кратко, а на деле после признания Лили до момента согласия на развод прошло несколько дней. Поначалу он ходил в абсолютной прострации и не представлял, что ему делать. Решился, когда подъехал к Лилиной работе. Сидел там возле входа, пока она не вышла из офиса под руку с каким-то мужчиной. Процокала вместе с ним до машины, села в неё и куда-то уехала. Домой Лиля в тот вечер пришла, но ближе к ночи. Совсем стыд потеряла, видимо. — Да, дам развод и передо к себе. А насчёт Сони решим позже. Сама понимаешь — Лиля с квартирой, с работой, не пьёт, не колется. Ника-

кой суд мне Соню не отдаст, поэтому я даже не собираюсь за неё там бороться, только нервы трепать и себе, и ребёнку. Надеюсь по-хорошему договориться. Если Лиля собирается создавать новую семью с этим мужиком, зачем ей Соня? У меня-то никого нет.

— Она тебе ответит, что и у тебя женщина появится. Лучше уж сейчас, чем потом. Чем Соня ближе к подростковому возрасту, тем сложнее с ней будет договориться.

— Вряд ли у меня появится женщина, — покачал головой Яр. — Я не хочу никаких отношений после такого сказочно-го фиаско. Понимаешь, Алин, у меня в голове не укладывается! Всё же было просто отлично. Мы не конфликтовали, не ругались, быт налажен, ребёнок у нас. Я искренне считал себя счастливым человеком, которому повезло с женой. Даже в мыслях не было, что из меня давно оленя сделали. Спросил Лилю, чего ей не хватало, и она, знаешь, что выдала?

— Ну, вариантов тут немного, — вздохнула Алина. — Я бы сказала, два. Либо она заявила, что всего хватало, но сердцу не прикажешь, либо ты ей внимания мало уделял. Работа, Соня, а она по остаточному принципу.

— Вот второй вариант. Именно так всё и было. Но это же какой-то бред, Алин! Я либо на работе был, либо дома. Даже толком не ходил никуда в последние годы.

— В том числе ко мне на экскурсии, — подколола Яра Алина, и он улыбнулся, хотя тема была невесёлая.

— Вот именно. Где я Лиле нашёл бы дополнительное вни-

мание? С работы, что ли, увольняться? Ну так она ведь тоже работала, и дома её в это время не было. Обоим увольняться? А жить на что?

— Это всё риторические вопросы, Яр. Не знаю, как ты, а я давно для себя решила — если человек хочет изменить партнёру, он изменит. Причину, что с партнёром не так, в своей голове найдёт, тем более что идеальных людей на свете нет. И будет себя ею утешать. Мало кто скажет, что не в тебе дело, а во мне, это у меня мозги набекрень и на сторону повело. В основном будут валить с больной головы на здоровую.

Корнеев засмеялся.

Всё-таки хорошо, что он Алинке всё рассказал. И правда легче стало.

— Ладно, уговорил, — проворчала вдруг она неожиданно. — Сейчас коньяк достану твой. Но только одну рюмку! Больше ни-ни. Я за здоровый образ жизни! У меня, кстати, и шоколадочка к нему есть.

— Мне кажется, шоколадочка — ещё более нездоровый образ жизни, нежели коньяк.

— Ой, молчи! — махнула на него рукой Алина. — Я и так знаю, что грешница. Для меня в аду наверняка уже самую лучшую сковородку присмотрели. Чугунную, с антипригарочным покрытием.

Яр вновь засмеялся, с удовольствием глядя на рыжую шапку Алиных волос — пушистых, как одуванчик.

Интересно, а он вообще когда-нибудь их трогал, или только смотрел? Он не помнил.

Но почему-то именно сейчас безумно захотелось потрогать.

Алина

Мне было очень жаль Яра после этого рассказа.

Вот бывают мужики — ну просто сволочи, козлы и эгоисты. Девчонок меняют как перчатки, периодически пьют, за языком не следят и постоянно матерятся, считают, что место женщины на кухне или в постели. Навалом таких. У Лёшки тоже нечто подобное порой проскальзывало, а вот у Корнева — нет.

Его отец был военным в отставке. Женился поздно, точнее, дядя Вася был женат по юности, но тот брак не сложился. Познакомился со второй женой уже ближе к пятидесяти, и у них родился Яр. А четыре года спустя мама Яра скоропостижно умерла из-за банального аппендицита. Я её совсем не помнила, хотя моя мама говорила, что мы много раз ходили вместе из детского сада до дома.

Дядя Вася так и не женился больше. Сосредоточился на воспитании Яра и лепил из него маленького мужчину сизмальства — девочек обижать нельзя, врать нельзя, в комнате должен быть идеальный порядок, потому что комната — отражение твоего внутреннего мира, а если там бардак, то чего ты ждёшь от жизни? Да, он был строгим, но классным. И Яра очень любил. Меня всегда привечал и называл не Алиной, а

Поллианной — по аналогии с персонажем из одной детской книжки. У Яра это прозвище как-то не прижилось, да и ни у кого больше не прижилось — оно было прерогативой дяди Васи. Он и сам был мужчиной с большой буквы, и Яра таким же воспитывал. До сих пор помню, как дядя Вася говорил, что поступать всегда нужно по совести.

Кстати, дяде Васе, как и мне, тоже не слишком нравилась Лиля, но он Яру ничего не говорил. Да и со мной не делился — я поняла это просто по паре его скептических комментариев. Дядя Вася называл Лилю принцессой — вроде ничего насмешливого, но на самом деле для Корнеева-старшего это было почти ругательством. Принцессы-то — они же избалованные, жизни не знают. Да, Лиля такая и была — дочка обеспеченных родителей, она даже в детский сад и в школу ходила элитные, а не как мы — просто рядом с домом. Я, честно говоря, долгое время надеялась, что у Яра пройдёт эта влюблённость в девушку, которая, как мне казалось, совсем ему не подходит, но... Увы, не прошла. До сих пор не прошла — я отлично видела, как Корнеева колбасит во время разговора о поступке Лили. Не будешь так реагировать, если человек тебе уже безразличен.

Да, чем скорее у Яра пройдёт любовь к женщине, которой ничего не стоило его растоптать, тем лучше. Был бы жив его отец — вправил бы ему мозги сейчас, это точно. Но я-то что могу? Только поддерживать и сочувствовать. Учить жизни точно не стану. Несмотря на то, что опыт пережива-

ния неудачного брака у меня имеется и ещё какой! Книжку можно было бы написать.

В итоге мы с Корнеевым просидели на моей кухне ещё пару часов. Коньяка выпили — каждый по рюмке — и шоколадкой закусили. Лилю больше не обсуждали, говорили исключительно не на больные темы.

Яр спросил, как у меня с личной жизнью, и я отшутилась:

— О, у меня не личная жизнь, а личная смерть.

— Это почему? — поднял брови Корнеев.

— Да потому что нет никакой жизни. Как-то вот... Знаю, что два с лишним года прошло после моего развода, но сначала я даже думать об отношениях не могла — как вот ты сейчас. Нет, и всё. Спустя год задумалась, но... Что-то не идёт.

— В каком смысле — не идёт?

— Да не складывается ничего, — ответила я откровенно и усмехнулась. — Раз пять уже пыталась что-то замутить, но полная ерунда выходит.

— Пять раз? — то ли удивился, то ли восхитился Яр. — Ничего себе. Это за год с небольшим?

— Угу. Хочешь, расскажу?

— Ещё бы, конечно хочу. Вообще странно, что ты мне раньше ничего не рассказывала.

— Позориться не хотела, — пошутила я и начала своё повествование: — С одним я познакомилась на сайте знакомств, но он мне откровенно не понравился на первом же

свидании. Какой-то неприятный был, словно масляный. Ну и я отказалась дальше встречаться. А потом — бах! — через неделю вижу его в криминальной хронике. Задержан за попытку изнасилования.

— Ничего себе... — протянул Корнеев, аж рот приоткрыв от глубины шока. — Практически передача «Криминальная Россия».

— Точно. Я в ужасе была и пару месяцев не рыпалась. Потом меня в гости пригласила подруга — день рождения её отметить. Ну и заодно представила меня другу её мужа.

— Начинается вполне безобидно.

— Начинается — да. И он был ничего так, мы сходили на несколько свиданий, я даже стала подумывать о том, чтобы домой его позвать. И тут...

— Только не говори, что он тоже оказался маньяком.

— Нет. Он неожиданно позвонил и пригласил меня на свою свадьбу. Не на нашу с ним свадьбу, не смотри на меня так, Яр! Оказалось, что у него есть невеста, просто некоторое время назад он с ней поссорился, вот и решил другую девушку найти, чтобы клин клином вышибить. Однако в конце концов они помирились. В общем, он на ней женился всё же, и она сейчас беременная.

— М-да, — Яр, улыбаясь, закрыл ладонью лицо. — Фейспалм. А на свадьбу-то ты пошла?

— Нет, ты что! Я ещё не сошла с ума. Так, теперь третий персонаж... Он, как и Лёшка, начал ко мне подкатывать во

время экскурсий. Стал на них регулярно ходить — именно на мои экскурсии, — цветочки дарил, слушал внимательно, вопросы задавал. Я поначалу морозилась, потому что не хотелось начинать очередные отношения так же, как и с Лёшкой, слишком уж плохо всё закончилось. В общем, я его отшивала, отшивала... Но он был настойчив, и я в итоге согласилась пойти с ним в кафе. Однако не успела я сесть за столик, как на нас, словно в дурной комедии, налетела женщина и начала бить его зонтиком по голове. Я не знала, что мне делать, стояла как дура и смотрела на всё это, выпучив глаза. Еле оттащили её! И знаешь, мне колоссально повезло, что она не меня начала бить.

— Потому что это была его жена, да? — поинтересовался Корнеев, уже откровенно веселясь.

— Именно.

— Тогда тебе действительно повезло. Отделалась лёгким испугом. А он-то жив остался?

— Наверное. Я, честно говоря, не интересовалась. Четвёртый случай... Тут даже неловко рассказывать. Поначалу всё было хорошо — познакомились в Третьяковке на выставке, по выставкам и стали вместе ходить. Ходили-ходили... ещё в театр тоже... Потом я его домой таки пригласила. И тут он мне признался, что БДСМ-щик!

— Что-о-о?! — протянул Яр и расхохотался. — Пирожок, блин! Ну это просто... нарочно не придумаешь! Ты точно не выдумываешь?

— Если бы, — я вздохнула. — До сих пор обидно. Потому что я к такому всё-таки не готова. Он в целом мужик-то хороший, но бить его кнутом я не смогу, даже если много выпью.

— А-а-а, то есть он не «дом», а «саб»?

— Ты в теме, я смотрю, — пошутила я, и Яр кивнул, посмеиваясь. — Только не говори мне, что ты тоже один из этих.

— Не-е-ет, — Корнеев фыркнул и махнул на меня рукой. — Нет, конечно. Просто гуглил как-то. Но это всё же совсем не моё.

— И не моё. В общем, мы решили остаться друзьями, и сейчас порой вместе посещаем выставки.

— Ему надо на выставку орудий пыток, — Яр картинно поиграл бровями. — Там тоже всякие ремешки, плётки...

— Это уже без меня.

— Ну, а пятый? Или он как в песне поётся: «А пятый мой совсем не такой, в его руках я таю как снег»?

— Не-а. До рук мы не дошли. Я опять попыталась познакомиться через интернет. — Я упёрлась локтем в кухонный стол и положила голову на сжатый кулак. — И на первом свидании этот чел мне выдал, что они с женой ищут третьего партнёра для секса. Парня и девушку, чтобы их чередовать. Парня уже нашли, осталась девушка.

Корнеев настолько громко и заливисто смеялся после этого моего рассказа, завершённого на трагической ноте, —

думаю, Лиля бы очень удивилась, если бы услышала. Даже икать начал, пришлось водичкой поить.

В итоге, успокоившись, поинтересовался:

— Зачем чередовать-то? Можно же вчетвером.

— Вот не знаю, не спрашивала. Если тебе интересно, могу телефончик того мужика дать, у меня остался.

— Нет, спасибо, — чуть не поперхнулся водой Яр и вновь расхохотался.

Ярослав

Возвращаясь к себе в пустую и одинокую квартиру, Яр всё вспоминал встречу с Алиной. Если отвлекался и начинал думать о чём-то другом, тут же в голову лезли мысли о Лиле и Соне и настроение автоматически портилось.

Вот так и получалось, что Алина поддерживала его не только когда была непосредственно рядом, но и после.

Разобрав сумку, Яр усмехнулся — коньяк Пирожок ему всё же не отдала, оставила у себя. Может, конечно, и не специально, но он почему-то думал, что Алина просто опасается: думает, Корнеев забухает. Если бы не встреча с бывшей одноклассницей, он наверняка этим и занялся бы, чтобы отчаяние заглушить, но после душевных посиделок с Алиной пить уже не хотелось. Наоборот — хотелось сделать всё, чтобы поскорее исчезло желание сдохнуть.

Хрен с ней, с Лилей! Не оценила его любовь и их семью — значит, пошла к чёрту. Точнее, к этому своему мужику. Надо сосредоточиться на Соне, она пострадать не должна. И так переживает, что папа уехал. Яр накануне с ней поговорил, объяснил, что ему придётся теперь жить отдельно, потому что его и её маму ждёт развод. Лиля сидела рядом и вроде как участвовала в диалоге, но почти всё время молча-

ла. Один раз только сказала: «Не волнуйся, всё будет хорошо», но на Соню это не произвело впечатления — она была в шоке и смотрела на них широко распахнутыми глазами, в которых читалось недоумение.

Кстати, пора бы ей позвонить...

— Пап, — громко сказала Соня в трубку, когда Яр набрал номер дочери. — А я у бабушки с дедушкой сейчас...

— Что? — поразился Корнеев. Когда он днём покидал квартиру, Лиля и Соня были дома и никуда не собирались. И вообще — какие бабушка с дедушкой? Соне же завтра в детский сад, а оттуда неудобно добираться.

— Ага. Мама меня привезла и сказала, что я недельку тут поживу, пока она дела свои поделает. Час назад примерно. Я ничего не поняла, пап, дедушка с бабушкой тоже недовольны...

Конечно, Аркадий Максимович и Инга Михайловна недовольны — они терпеть не могли форс-мажоры. С Соней посидеть были не против, но по договорённости, а не как сейчас получилось, когда Лиля им просто передала дочь, будто балласт, и умчалась. Даже спрашивать было не нужно куда. И так понятно.

Интересно, тесть и тёща в курсе или пока в неведении?

С родственниками Лили у Яра были спокойные, ровные отношения. Любви и близости особой не имелось, но уважение и принятие — вполне. У Аркадия Максимовича была своя фирма по доставке цветов, а Инга Михайловна уже мно-

го лет занималась тем, что делала авторские куклы. Очень красивые, шарнирные, в оригинальных платьях, с аксессуарами. Она их продавала, но основной доход в семью приносил всё же Аркадий Максимович. Когда-то тесть предлагал Яру перейти к нему в фирму начальником отдела логистики, но Корнеев к тому времени уже сильно вырос в должности там, где начинал ещё учась в институте, — в транспортной компании, занимающейся организацией грузовых перевозок по всей стране. Там решил и остаться, рассудив, что в любом случае не хочет работать под началом тестя. Отец всегда говорил, что не стоит рассчитывать на родственные связи, всегда надо самому из себя что-то представлять. И уж тем более не нужно переходить на работу туда, где тебя могут уволить не за службу, а, что называется, «за дружбу».

Сейчас Яр со всей ясностью понял, что всё сделал правильно. На носу развод с Лилей, и этого уже не изменить. Будет ли Корнеев нужен тестю после того, как перестанет называться мужем его дочери? Вряд ли.

— Ты только не переживай, Сонь, — сказал Яр, вздохнув.
— Я сейчас позвоню бабушке...

— Да не надо, она вот тут, рядом. Я ей трубку просто дам,
— тут же предложила Соня и, судя по всему, сразу воплотила свой план в жизнь. — На, ба.

— Алло, Ярик? — услышал Корнеев прохладный голос Инги Михайловны. Несмотря на то, что мама Лили всегда относилась к Яру без особого радушия, называла тем не ме-

нее она его исключительно Яриком, как маленького мальчика. — Я сейчас выйду из комнаты, чтобы поговорить спокойно. Подожди немного... Всё, вышла. Итак, рассказывай, что за ерунда происходит у вас с Лилей.

Отлично. Значит, жена даже собственным родителям ничего нормально не объяснила, оставила эту прерогативу Яру. Молодец, что уж там.

Был за Лилей такой грешок, Корнеев это знал, — неприятные обязанности она любила перекладывать на кого-то ещё. Иногда подобное умиляло, порой бесило, но сейчас Яра даже ничего не колыхнуло, словно он уже перегорел возмущением по отношению к Лиле.

Да, она эгоистка. Всегда была и всегда будет.

— Мы разводимся, — признался Яр и рассказал всё ровно так, как было, — что примерно неделю назад Лиля пришла с работы и вывалила на него признание о своём романе. И сегодня утром он переехал, вернулся в старую квартиру, где раньше жил с отцом.

Инга Михайловна слушала молча, но, когда Корнеев замолчал, негромко припечатала:

— Идиотка.

— Что? — удивился Яр. Мама его жены была человеком исключительно культурным и образцово вежливым, и таких слов за почти девять лет брака он от неё не слышал никогда.

— Дура, говорю, — вздохнула Инга Михайловна. — Гормоны в голову ударили, видимо. В юности не нагулялась,

мальчиков не попробовалась, почти сразу с тобой стала встречаться, потом замуж вышла. Вот теперь и добирает жизненного опыта. Значит так, Ярик... Ты погоди с ней разводиться. Пара недель, максимум месяц — и она передумает, я уверена.

— Вы шутите, Инга Михайловна, — усмехнулся Корнеев. — Мне, честно говоря, без разницы, передумает Лиля или нет. Я такое терпеть не намерен. Что за странные свободные отношения? Может, мне тоже гульнуть, пока жены дома нет?

— А что, хорошая мысль, — вполне серьёзно откликнулась Инга Михайловна. — Не так сильно сердиться на мою дурочку будешь.

У Яра на языке вертелся откровенный матерный посыл, но он сдержался.

— В общем, давайте лучше обсудим, что с Соней делать.

— А что с ней делать? Хочешь сказать, у тебя в квартире ребёнку будет удобно? Ни игрушек, ни кровати нормальной нет. Ещё, наверное, ремонт нужен. Шутка ли — квартира столько лет пустая стояла. У тебя там штукатурка ещё с потолка не сыпется?

— Пока нет, — ответил Яр, зачем-то посмотрев вверх. Совсем Инга Михайловна ему голову заморочила. — И в целом вполне ничего, я смогу забрать Соню к себе. Ремонт только обновить надо, тут вы правы. Мебель купить кое-какую. За пару недель, думаю, справлюсь.

— К этому времени Лилия, я надеюсь, одумается, — фырк-

нула тёща. — И вообще не пори горячку, тяжело тебе будет с Соней, ты же работаешь. Я помню, что ты её в детский сад отводил сам, но забирала-то Лиля чаще всего. В общем, не волнуйся, Соня пока у нас побудет.

— От вас до её сада вообще не ближний свет.

— Ну а мы не будем её в сад водить, на кружки поблизости запишем. И в парке будем гулять, парк у нас рядом отличный. Не заскучает. А потом, глядишь, вы и помиритесь.

Яр решил оставить это высказывание без комментариев. Попрощался с тёщей и попросил вернуть телефон Соне, чтобы договорить с дочерью и успокоить её.

А когда положил трубку, почувствовал жуткую досаду — потому что хорошее настроение, подаренное ему Алиной, было подчистую уничтожено прошедшим разговором с Ингой Михайловной. Высосано, как кровь из тела вампиром.

Нет, что бы ни говорила тёща, а никакого примирения с Лилей не будет. Ни за что!

Алина

Рассказ Яра о его отношениях с Лилей — точнее, о завершении этих отношений — побудил меня вспомнить свой неудачный брак.

Я забралась на кровать с чашкой чая, устроила на коленях Фанту и, прихлёбывая горячий напиток, принялась думать о собственном фиаско в личной жизни. Яр знал почти обо всём — я рассказывала. Конечно, о масштабах моих переживаний он не ведал — я если и делилась, то исключительно в юмористическом ключе. Но в целом историю знал.

С Лёшкой я познакомилась после института на одной из экскурсий. Наша студенческая команда, изначально создававшаяся просто по приколу, когда платой за экскурсию были «сто рублей в шапку», на тот момент уже крепко стояла на ногах и не была нелегальной — мы всё оформили как надо. И налоги платили, и сайт официальный со списком услуг прилагался, и группа в соцсетях ширилась и состояла уже из нескольких тысяч подписчиков. Радости нашей не было предела — мы же были энтузиастами, студентами-историками с огромным интересом к родному городу. Здорово оказалось заниматься любимым делом, ещё и приобщать к нему окружающих, а не сидеть в каком-нибудь офисе за кучей бума-

жек.

В первый раз Лёшка пришёл на мою экскурсию с девушкой. Точно помню, что это была какая-то из прогулок по спальным районам Москвы. Да, есть у нас и такие экскурсии, и они пользуются популярностью у местных. Посмотреть в нашем городе всегда есть что, и не только в центре. Художественно оформленные дворы, парки, фонтаны, скверы, малоизвестные памятники, набережные — навалом всего. Была у нас, например, экскурсия «Ночной Речной вокзал» — трёхчасовая прогулка по набережной в вечернее время, с таинственным светом фонарей, блеском воды, интересная не столько историей здания вокзала, сколько самой атмосферой экскурсии, загадочной и какой-то даже мистической. А моя коллега очень любит свою программу «Московские привидения». Она полушуточная, тоже в вечернее время, и в конце обязательно появляется «привидение», с которым можно сфотографироваться. Дети в восторге!

Впрочем, я отвлеклась.

Во второй раз Лёшка пришёл уже без девушки и после того, как я закончила экскурсию, предложил сходить вместе в кафе. Я согласилась — парень мне понравился. Высокий, чуть смуглый, с кудрявыми тёмными волосами и карими глазами, он немного напомнил мне Яра, по которому я тогда скучала — он как раз только женился.

Однако перед тем, как идти на свидание, я всё же уточнила:

— В прошлый раз я тебя с девушкой видела. Если есть отношения с кем-то, я никуда не пойду.

— Я с ней расстался, — покачал головой Лёшка. — Честное слово. Неделю назад. Если не веришь, я ей позвонить могу, она подтвердит.

— Не надо. Верю.

Закрутилось у нас всё быстро. Как шутили мои родители: «Просто девочка созрела». Ну да, у меня до Лёшки никого не было, точнее, парни были, но до постели не доходило, да и до знакомства с родителями тоже. И вот — пришло время.

Встречались мы примерно год. И чем чаще встречались, тем я его сильнее любила. Было, конечно, в Лёшке и то, что меня изначально раздражало, — например, его вечная жадность. Правда, тогда с его лёгкой подачи я называла это бережливостью. Ну не хочет человек лишних денег тратить, ищет, где подешевле, — что плохого? Лёшка же, как и я, вырос в небогатой семье. Ещё и в многодетной — кроме него и родителей в квартире жили ещё два его младших брата.

Сейчас я думаю, что Лёшке я не столько нравилась, сколько он просто мечтал сбежать из «нехорошей квартиры» и жить отдельно. А тут такая удача — девчонка, у которой есть своё жильё. Мой папа к тому времени уже круглый год жил на даче, точнее, в загородном доме, а мама путешествовала, но, если приезжала, останавливалась у отца на природе, а не у меня. Вот Лёшка и клюнул.

Свадьба у нас была скромная — пышную сделать Лёшка

мне не позволил бы. Яр на ней присутствовал, и я наивно надеялась, что они с моим мужем подружатся — всё-таки Корнеев был для меня почти родственником, я относилась к нему как к брату. Но Лёшка не горел желанием сближаться и вообще заявил, что дружба между парнем и девушкой — это миф.

С реальностью моего мужа немного примирил конверт с деньгами от Яра — друг подарил нам на свадьбу очень хорошую сумму. Я благодаря ей даже всё-таки смогла уломать Лёшку на путешествие, пусть и не сразу, а через месяц, но он согласился.

А дальше... я, как чуть позже выразился Лёшка, «совершила тактическую ошибку».

Я начала мечтать о ребёнке. Первый год — не очень активно: получится — хорошо, не получится — ну и ладно. Второй год уже настойчивее — пошла к врачу, чтобы выяснить, почему ничего не получается. Лёшка только фыркнул, когда после первой же консультации врач мне заявил, что нужно проверить и супруга.

— Ерунда какая-то, Алин! — закатывал глаза муж. — У меня всё отлично, работает как часы, сама же знаешь. Это у вас, женщин, всё сложно устроено, а у мужиков чего? Знай себе кончай, да и всё.

Я пыталась объяснить, что всё не так просто, но Лёшка лишь отмахивался и говорил, что с его работой только по врачам бегать — и так ничего не успевает. Это было правдой

— Лёшка много работал, мечтал обменять квартиру, чтобы жить не в двушке, а в трёшке и в другом районе. Учился он по специальности «Менеджмент», но ещё будучи студентом начал подрабатывать сборкой мебели — в итоге после окончания института Лёшка не пошёл в свою профессию, а остался сборщиком. Решил, что так заработает больше денег. Спорный вопрос, но я это приняла — каждому своё. Ну не хочет человек стабильности и зарплаты, а хочет кучу заказов и скачущий, как лошадь через снаряды, доход — его право. В конце концов, я тоже предпочла не школу и не офис, а прогулки на свежем воздухе с кучей незнакомых людей.

В результате, сколько бы я ни проверялась — ничего у меня не находили, организм работал как часы. Все врачи хором утверждали, что у меня никаких проблем и раз я не беременею — дело в Лёшке.

Я пыталась убедить его сходить к врачу и сдать спермограмму. Но он ни в какую — как рогом упёрся. Столько всего мне наговорил возмущённого про то, что не будет передёргивать в баночку, — ужас!

Я унывала. Мне хотелось ребёнка. Шёл пятый год нашего брака, у Яра уже родилась дочка, у всех моих замужних одноклассниц и однокурсниц — тоже дети. Меня это очень угнетало. Нервозности добавляла и невозможность рассказать, в чём дело, почему у нас не получается. Не могла же я жаловаться на Лёшку? Вот и скрывала всё даже от родителей.

В результате я решила, что поставлю Лёшке ультиматум — либо он идёт к врачу, либо разводимся. Но не успела. Он сам сообщил мне неожиданную новость.

Алина

У меня получилось почти как у Яра — я тоже жила и ничего не замечала, погружённая в проблемы с зачатием. А Лёшка между тем всё сильнее отдалялся и однажды, придя с работы, выдал:

— Алин, я тут это... уезжаю.

Я поначалу ничего не поняла.

— Куда? В командировку какую-то?

У Лёшки сроду не было командировок, но мало ли.

— Нет, — муж тяжело вздохнул. Вид у него был как у человека, которому нужно на приём к стоматологу, но не хочется. — Ты... понимаешь, в последнее время что-то совсем загоняешься. А мне это всё на фиг не надо. Я вообще детей не хочу, я хочу жить для себя. Меня ещё в детстве младшие братья достали, а ты хочешь вновь на меня спиногрызов повесить.

Я сидела и смотрела на Лёшку, хлопая глазами и чувствуя себя человеком, которого на ядре запустили полетать в небо.

— Я думаю, нам с тобой не по пути, — в итоге выдал Лёшка, нахмурившись. — Так что переезжаю и подаю на развод.

И тут меня осенило.

— Ты другую бабу себе, что ли, нашёл?

Лёшка сразу ошетинился.

— Допустим, нашёл, — огрызнулся он и фыркнул: — А что, нельзя?

От подобной постановки вопроса я обалдела.

— А ты считаешь, что можно?

— Более того, я считаю, что нужно! — решительно заявил муж. — Ты, Алин, совершила стратегическую ошибку, когда стала склонять меня к отцовству. А ведь я тебе сразу сказал, что не хочу детей! Ты чем слушала? Всё талдычила мне, что поначалу никто не хочет, а потом всё будет хорошо, когда ребёнок появится. Но я совсем не хочу, абсолютно, Алин! Поэтому, да, я нашёл себе другую женщину. Сейчас вещи собираю и уеду.

— Ага, — пробормотала я, ощущая, как в моей голове что-то щёлкает, будто затвор взведённого курка. — У неё трёхкомнатная квартира, что ли?

Тут Лёшка окончательно разозлился, рявкнул, что это не моё дело, и ушёл в спальню. Выкатил чемодан и принялся складывать туда свои брюки и рубашки. Справился минут за двадцать, а потом, когда вышел, бросил мне с пафосом:

— Ключ пока не отдаю — заеду на неделе, оставшиеся вещи заберу. А то сюда всё не влезло.

Я пожала плечами в абсолютном ступоре. Тогда я ещё не знала, что через пару дней, подгадав, когда я буду на работе, Лёшка вынесет из квартиры всё — вообще всё! — к чему он так или иначе имел отношение. Тапочки, миксер, который

он мне дарил на прошлое Восьмое марта, коврик из ванной и даже, прости господи, новую упаковку туалетной бумаги.

Я была в шоке, но быстро сообразила одну действительно замечательную вещь.

Как же хорошо, что я от него всё-таки не забеременела!

Ярослав

После разговора с тётшей и дочерью Корнеев порывался позвонить жене, но в конце концов решил, что, если поговорит ещё и с Лилей, пошатнувшееся настроение точно больше не исправить. А ему всё же хотелось выспаться перед рабочим днём, который никто не отменял, — завтра же понедельник. Вот, кстати, интересно, работает ли Алина? Яр помнил, что раньше у неё были два выходных дня в неделю по чётным неделям, а по нечётным — три. Какие конкретно это дни, Корнеев вспомнить не мог, конечно.

Алина...

Прощаясь с ней, Яр по привычке махнул рукой и кивнул, а когда уже вышел на лестничную площадку, неожиданно подумал: а ведь они с Алиной ни разу не чмокались по-дружески, как у него бывало с другими девушками, всегда держали дистанцию. Может, потому что знали друг друга с детства? Детский сад и школа — не те места, где может возникнуть и развиваться подобная привычка. Вот и у них с Алиной была определённая модель поведения — они могли пожать друг другу руки, хлопнуть в ладоши, гулять под одним зонтом, но не целоваться. Пару раз, кажется, обнимались — прощаясь после выпускного, на похоронах его отца, на Алинкиной

свадьбе, вызвав недовольство её мужа, но не больше.

Яр вспомнил, как тогда, воспользовавшись тем, что Лёшка отошёл в туалет, тихонько поинтересовался у Алины, почему она не поменяла фамилию. Была бы Алина Абрамцева. Красиво вроде. Понятно, отчего фамилию не поменяла их одноклассница Лера Соболева — кому хочется быть Лерой Клоповниковой? — но Алинка-то чего?

— Да вот как-то не ассоциируюсь я сама у себя с Абрамцевой, — засмеялась Алина, пожимая плечами. — Не ложится, и всё. Может, дело привычки, конечно. Но мне нравится моя фамилия, она смешная. Я когда её называю, все обычно сразу улыбаться начинают. А Абрамцева — обычная такая фамилия, ничего в ней нет забавного.

Яр в тот момент почувствовал такое умиление от Алины, что едва не обнял её. Он не знал больше таких людей, как она, — чтобы искренне желали видеть улыбки на лицах окружающих и не возражали, когда над ними смеются. Чистая, беззлобная девушка. Жаль, что умудрилась напороться на такого мудака, каким был её Лёшка Абрамцев.

Вот, кстати, скорее всего, Алина похожим образом думает о Лиле, которую никогда особо не любила. И Яр даже понимал почему — его жена была другим человеком. Часто ехидничала, шутила, бывало, злобно, могла и искренне кому-то позавидовать, и подстав не гнушалась, и за глаза сплетничала. Но Яр воспринимал это спокойно, даже снисходительно — не всем же быть Алиной Пирожковой! Большинство лю-

дей — вполне обычные, с кучей недостатков. А достоинств у Лили тоже было предостаточно.

Она была очень красивой. От бабушки — грузина по национальности, отца Инги Михайловны — Лиле достались потрясающие чёрные волосы, густые и блестящие, чистая смуглая кожа и раскосые чёрные глаза в обрамлении пушистых ресниц. Немного портил картину нос с горбинкой — Лилия его прям ненавидела, — но Яру даже нравилось. Добавляла эта горбинка его жене индивидуальности, да и характера.

А её ярко-алые губы! Никаких уколов красоты им не надо было — они сами по себе были пухлые и чувственные, особенно нижняя — чуть-чуть «уточкой», что придавало Лиле вечно капризный вид маленькой обиженной девочки. Если она эту губу надувала и пускала влагу в глаза, Яр вообще ни в чём не мог ей отказать.

Но, конечно, не только в красоте дело. Лилия была очень умной — училась на «отлично», в совершенстве знала китайский, который изучала с детства, много читала и вообще была любознательной. Поэтому, когда родилась Соня, Лилия немного сникла и погрузилась в депрессию — ей безумно хотелось жить дальше, ходить по выставкам и путешествовать, а тут этот ребёнок. Но потом ничего, втянулась. Хотя одной только Соней и домом, как многие женщины в декрете, Лилия не занималась никогда, всегда находила себе ещё какие-то интересные занятия. Когда Соне было года два, да-

же на курсы гончарной лепки пошла — просто так, чтобы дома не тухнуть.

Яра это всё устраивало, он никогда не считал, что женщины после рождения ребёнка надо ставить на себе крест. Главное, что и Соней Лиля занималась, и его не обделяла вниманием. Это было третье достоинство жены — она много всего успевала, была гиперактивным человеком. Спать до обеда, бездельничать, лёжа в постели, — это всё было не про Лилю. Вставала она каждый день в шесть-семь утра, обязательно шла на пробежку — неважно, какая погода, выходной или нет. Сама готовила завтрак, причём кофе делала не в кофемашине, а варила в турке, считая, что только так и надо делать. Кроме завтрака, правда, Лиля больше не кашеварила — по будням и она, и Яр обедали в офисе, а ужинали заказывая доставку из ресторана. В выходные тоже спасала доставка. Когда Соня была маленькой, Лиля, бывало, и сама готовила, но ей это не слишком нравилось, и когда Яр отверг её предложение взять повариху, вздохнула и сказала:

— Что ж, раз ты не хочешь, чтобы дома, как ты выразился, «мельтешил» чужой человек, будем чаще есть заказанное. Пусть этот чужой человек готовит на своей территории.

Яр не возражал. По правде говоря, за время жизни с отцом он привык не привередничать в том, что касалось еды. Отец изыски готовить не успевал, на доставку денег не хватало, поэтому рацион у них дома был весьма однообразным. Примерно как содержимое пакета, раскритикованное Алиной.

Да, Лиля никогда не была идеальной, но Яр её любил. Вот как увидел на первом курсе в коридоре, узнал, что они в одной группе учатся, — так и решил всё для себя сразу, хотя ему тогда едва восемнадцать исполнилось. Понял, что эта девушка должна быть его женой, и начал кампанию по захвату неприступной крепости. Лиля от него почти год нос воротила, хотя он чувствовал, что нравится ей. Но потом всё же сдалась.

Красиво всё когда-то начиналось. Жаль, что закончилось так себе.

Алина

Проснулась я привычно — от звонка будильника, хотя по понедельникам я официально выходная. Люблю понедельники! В отличие от большинства остальных людей в нашей стране, для которых это обычные трудовые дни, как для того же Яра.

Кстати, о Яре...

Выяснилось, что он писал мне вечером — точнее, ночью, — когда я уже спала. Спрашивал, выходной у меня сегодня или нет. Я быстро напечатала ответ и отправилась умыться, а когда вышла из ванной, обнаружила, что Корнеев вновь мне написал. Спросил, не хочу ли я вечером погулять в парке. Естественно, я хотела!

«Только мороженое покупать не будем», — пришло от Яра следующее сообщение после моего согласия на прогулку, и я расхохоталась. Всё-таки здорово, когда с человеком столько общих воспоминаний. У меня такое было с родителями, ну и с Яром. Больше никто меня не знал с тех пор, когда я ещё пешком под стол ходила.

И ведь помнит же. Удивительно. Помнит, что мороженое я могу есть только в очень жаркие дни, и конец мая с его переменчивой погодой — днём жарко, утром и вечером про-

хладно — не подходит. Если съем — моментально заболеваю. Этот факт мы с Ярм когда-то выяснили экспериментальным путём. В каком это было классе? Не помню. Но на дворе стояла майская жара, был конец учебного года, и Ярм уговорил меня съесть мороженое. Ух и ругалась тогда моя мама! Я с ангиной недели четыре провалялась. Хорошо, что все контрольные написать успела, а что не успела, мне и так простили и засчитали — за прошлые заслуги. Но Ярм, как сейчас помню, было очень неловко, и он, когда мне стало лучше, стал приходить к нам и что-нибудь приносить в подарок.

Самым лучшим подарком была веточка цветущей липы. Мне было так обидно, что я пропускаю её цветение! И Ярм принёс мне кусочек лета. Я сидела, болтала с Корнеевым и постоянно нюхала эту веточку...

Но в каком же это было классе? Совсем не помню. Наверное, до девятого — в девятом Ярм влюбился и стал общаться со мной гораздо меньше, пытаясь добиться внимания Маши Малининой — новенькой из параллельного класса. Она переехала в Москву из Питера — рослая девчонка с большой грудью, тонкой талией и длинными ногами, — и в неё влюбились сразу почти все наши мальчишки. Ярм ещё потом шутил, что стадное чувство у пацанов в этом возрасте особенно развито, вот он ему и поддался.

Маша, кстати, оказалась девицей не промах и встречалась со многими. У всех что-нибудь списывала. Ярм учился хоро-

шо, поэтому и он не был обделён её вниманием, да настолько, что в одиннадцатом классе потерял с ней девственность.

Нет, это не он рассказывал — Маша сама всем разболтала про себя и Яра, он-то только ей признался, думал, что она промолчит, лишняя же информация. Но фиг вам — Маше показалось забавным, что парень в восемнадцать лет девственник, вот она и поделилась смешным с окружающими. Яр, конечно, переживал, но, по-моему, Малинина ему услугу оказала — он её после этого сразу разлюбил, перестал маяться дурью и начал активнее готовиться к экзаменам, мне на радость.

Жаль, что Лиля ему такую услугу не оказала, больше десяти лет голову морочила хорошему человеку. А мог бы ведь и на нормальной девушке жениться! Тогда бы и не маялся сейчас. С другой стороны, у него ребёнок, значит, не зря всё было.

Корнеев познакомил меня с Лилей, как только начал с ней встречаться — до этого я слышала только общие восторги. И то немного — Яр особо не делился подробностями. А вот когда они с Лилей сменили статус с «друзья» на «пара» и он привёл её к себе домой, мы по стечению обстоятельств столкнулись в подъезде.

Я помню, какое гнетущее впечатление она на меня тогда произвела. Красивая девчонка, несомненно, но взгляд... Прав был дядя Вася, когда говорил, что именно так принцессы смотрят на своих подданных.

Яр, конечно, и не стремился, чтобы мы с Лилей сблизились. Собственно, он мне как-то признался, что она меня не жаловала, да и ревновала, говорила примерно то же, что и Лёшка чуть позже: не бывает дружбы между людьми противоположного пола. Меня это поначалу даже задевало: чего это не бывает-то? В жизни всё бывает! Тем более — такая банальность, как дружба между мужчиной и женщиной. У моей мамы было навалом друзей противоположного пола, так же, как и у папы, поэтому я даже сердилась, что Яр нашёл себе настолько глупую девушку.

Сильно позже я осознала, что Лиля, разумеется, не была глупой. Просто она была хитрой и конкуренток поблизости видеть не желала. Меня, видимо, считала самой опасной — поэтому наше общение с Яром резко уменьшилось, превратившись в редкие встречи (чаще всего случайные, на лестнице или во дворе) и периодические переписки.

Мне было обидно, конечно, но я понимала, что это жизнь.

Ярослав

Работалось в тот день плохо, хотя и лучше, чем на прошлой неделе. Подумать только, а ведь Лиля во всём призналась именно в понедельник, ровно семь дней назад.

Словно целая жизнь прошла. Что за эти дни Яр только ни передумал! Одно лишь оставалось в стороне: возможность простить и сохранить семью, о чём ему прямо сказала Инга Михайловна. Вот об этом он совсем не думал, зато об остальном — очень даже.

Выйдет ли всё же Лиля замуж за другого мужчину? Отдаст ли Яру Соню или будет сопротивляться до последнего? И если почти бывшая жена захочет жить вместе с каким-то мужиком и дочерью Яра, как этому противостоять?

Впервые в жизни Корнеев пожалел, что не родился женщиной. В определённых обстоятельствах ему быть выгоднее. Сейчас бы он даже не думал, с кем будет жить Соня и как не допустить, чтобы дочь воспитывал чужой человек. Работа есть, квартира тоже — прорвёмся. Но мужчине доказать, что ты не верблюд, гораздо тяжелее — обязательно нужно, чтобы у женщины были существенные недостатки. И аргумент «она мне изменяла, водила за нос, пока я работал на благо семьи» на суде не прокатит. Хотя Яру казалось, что должен

бы, ибо разве может научить чему-то хорошему женщина, которая так поступила с мужем и дочерью? Но нет.

За выходные он перечитал много статей, что делать в таких случаях отцам, и переполнился отчаянием — практика показывала, что мужчины крайне редко выигрывают суды по опеке над ребёнком. Корнееву и в принципе-то в суд не хотелось, но он заранее готовился к худшему — если Лиля упрётся рогом, возможно, что и придётся.

Хоть Соня пока была довольна: в детский сад её не повели, а повезли в зоопарк и на аттракционы, кому такое не понравится? Яр говорил с ней по телефону несколько раз за день и улыбался её довольному детскому голосочку. Про Лилю не уточнял — боялся, что, если Соня скажет: «А мама мне ещё не звонила», он найдёт время и силы, чтобы отыскать жену и прибить её.

Ещё наполняли позитивом мысли об Алине, с которой Яр договорился увидеться вечером. Как же ему повезло встретить её накануне! В итоге получился отличный вечер, а не сеанс страданий. И душу излил — легче стало. Даже хорошо, что у Алины сейчас нет никого, потому что, если бы такой человек был, вряд ли позволил бы ей общаться с Ярм. Не все, конечно, такие ревнивые, как Лиля или Лёшка Абрамцев, но и совсем равнодушным к дружбе жены с одноклассником и их совместным посиделкам на кухне быть нельзя. По крайней мере, Яр точно не был бы в восторге, будь Алина его женщиной.

Эта мысль отчего-то отозвалась в нём жаром, прошедшим по телу, — будто Корнеев неожиданно оказался под лучами палящего солнца. Рыжего солнца...

И в голову навязчивыми картинками начали проникать фантазии. Те самые, от которых Яр старательно избавлялся ещё в подростковом возрасте — когда Алина, у которой в это время была самая большая грудь в классе, начала его будоражить. Думать о ней в таком ключе было неловко и стыдно, а ещё страшно — потому что Яр боялся разоблачения. Вот узнает Пирожок, что у Корнеева встаёт, когда он на её грудь смотрит, особенно если Алина в это время бежит или на перекладине подтягивается, — она же обидится. А возможно, и испугается. Яр точно знал, что Алина питала к нему только дружеские чувства, не больше. И не хотел всё запутывать.

Ему удалось задавить в себе эти тайные желания ещё в школе, вырвать с корнем. Точнее, Яру так казалось, что с корнем. Видимо, на самом деле он только срезал «вершки», а «корешки» остались в земле, дожидаясь своего часа.

И теперь с радостью взошли под воздействием целого вечера у Алины дома.

У Яра даже голова кружилась, когда он представлял, как сажает свою одноклассницу на стол и начинает раздевать. Правда, воображение в этот момент буксовало, потому что Корнеев ни разу не видел Алину даже в купальнике, не говоря уж об обнажённости. Он понятия не имел, какого цвета у неё соски и волосы на лобке, какой формы грудь, если снять

лифчик, где находятся родинки... На лице и руках у Алины, например, родинок было мало — кожа у девушки была молочно-белой даже летом. Под одеждой она, наверное, ещё белее.

Из-за подобных фантазий работалось отвратительно. Зато Яр абсолютно отвлёкся от мыслей о Лиле и её подлости по отношению к себе.

Хотя они, увы, вернулись, когда перед окончанием рабочего дня Корнеев зашёл в одну из соцсетей и увидел в собственной ленте новостей фотографию Лили в каком-то ресторане, за столиком, украшенном цветами. Перед ней стояло блюдо с обожаемыми ею устрицами, а на пальце ярким золотым ободком с россыпью капелек-бриллиантов блестело кольцо.

Нет, не новое. А то самое, которое ей ещё Яр надевал.

Заскрипев зубами от злости, Корнеев напечатал Лиле в мессенджер:

«Кольцо моёними, раз уж мы разводиться решили».

Она долго не отвечала, и в итоге разозлённый Яр закинул телефон в сумку, решив больше ничего не смотреть и не открывать, чтобы не портить себе настроение.

Алина

Иногда прошлое возвращается. И чаще всего, когда ты уже и думать о нём забыл, а главное, и не желал его возвращения.

Хотя вру — я о Лёшке думала. Но исключительно из-за Яра, который своей исповедью растревожил мои старые раны. Даже не знаю, что тогда было тяжелее: разочароваться в близком человеке? Или в себе, что когда-то выбрала именно его? Вот последнее стало той причиной, по которой я крайне редко делилась с окружающими своей болью. Потому что очень часто получаешь в ответ: «Ты же сама вышла за него замуж, никто не заставлял!»

Никогда не понимала логику подобного аргумента в стиле «самадуравиновата». И ведь это относится не только к развалившимся бракам и оправданиям для тех, кто решил бросить жену или мужа, — к чему угодно. Изнасиловали? Не ту одежду надела. Убили? Не той дорогой пошла. Обманули на деньги? Плохо в школе училась и вообще слишком доверчивая. Как говорится, знающие люди всегда могут свалить с больной головы на здоровую и оправдать виноватого, обвинив во всём жертву.

Впрочем, я долго могу об этом рассуждать, как человек,

не единожды столкнувшийся с человеческой чёрствостью и отсутствием умения сострадать. Особенно ярко это проявилось после ухода Лёшки. По его жадности и по тому, как долго я не замечала «тревожные звоночки», не прошёлся только ленивый.

И этим «ленивым», кстати, был Яр. За что я ему была безмерно благодарна. Он ни разу не написал мне в переписке, что Лёшка всегда был козлом, просто я этого не видела. Лишь сочувствовал и говорил, чтобы я поменьше о нём думала, ибо не заслуживает.

И вот сейчас этот, который не заслуживает, зачем-то написал мне во «ВКонтакте».

Да, я — именно та женщина, что после развода нигде не блокирует бывшего мужа и не закрывает от него страницу. А зачем? Что мне скрывать? Я даже аватарку ещё с института не меняла, а новые фотографии не загружала и того дольше. Про записи на стене вообще молчу. Моих фотографий было много в группе, посвящённой нашим с коллегами экскурсиям, но она вообще открыта — заходи и любуйся.

Лёшка ни разу не писал мне после получения свидетельства о разводе. Я понятия не имела, где он сейчас, чем занимается и не женился ли снова. И, честно говоря, мне было безразлично, как и что у него сложилось или не сложилось с той женщиной, к которой он от меня ушёл. Зла я ему не желала, но и добра — тоже.

Поэтому, увидев на экране всплывающее сообщение с

Лёшкиной аватаркой, его именем и началом диалога, я крайне удивилась. Чуть не споткнулась о швабру, которой в это время мыла пол. У меня так заведено: по понедельникам генеральная уборка и вообще всяческая инвентаризация бардака, скопившегося за неделю.

«Привет, Алинка! — писал бывший муж. — Хотел узнать, как у тебя дела, как жизнь? По-прежнему проводишь экскурсии для любителей истории или поменяла деятельность?»

Я почесала в затылке.

И что ответить? Странная какая-то ситуация. Может, Лёшка просто напился и решил по классике написать бывшей? Выбрал бы лучше тогда кого-нибудь другого, у него этих бывших было — ого-го! Женский полк можно собрать. Не то что у меня.

Пару раз в моей жизни были такие вот финты, когда человек, которого я не слышала и не видела несколько лет, вдруг начинал писать и интересоваться, как дела. Точно знаю: просто так поболтать в подобных ситуациях мало кто пишет. Если не сказать — совсем никто. Просто так мог написать Яр, несколько одноклассниц и мои хорошие друзья, по совместительству коллеги по работе. В общем, люди, с которыми я общалась более-менее регулярно и которых поздравляла с праздниками. Но не Лёшка.

С другой стороны, не отвечать невежливо, да и причины вроде как нет. Может, он похвастаться хочет? Квартиру большую купил или загородный дом. Чего бы не продемон-

стрировать бывшей жене, какой он молодец?

Поэтому я ответила:

«Да всё то же самое, ничего интересного», — и, закинув телефон обратно на комод, продолжила уборку. После уборки надо было потихоньку начинать собираться на встречу с Яром, поэтому про Лёшкино сообщение я благополучно забыла до самого позднего вечера.

Ярослав

В телефон Корнеев специально не смотрел, хотя тот бурлил и бурлил в сумке пришедшими сообщениями. Они точно были не от Сони — на неё стоял специальный сигнал: кошачье мяуканье, — а все остальные, особенно Лиля, могли и подождать. Тем более что Яр торопился на встречу с Алиной: пришлось задержаться на работе, начальник решил провести срочное совещание за пятнадцать минут до окончания рабочего дня. Была у него такая дурацкая привычка, которая всех бесила, но возражать — значит, гарантированно потерять работу, ведь начальник Яра был ещё и одним из собственников их организации. И тех, кто напоминал ему о том, что рабочий день не резиновый, он отправлял качать права на свободу. Можно было возмущаться и даже подавать в суд, но толку от этого не было никакого, только сплошная нервотрёпка. Проще терпеть и утешать тебя тем, что за это получаешь отличную зарплату.

В общем, на встречу с Алиной Яр почти бежал. На работу он ездил на общественном транспорте: чтобы доехать до «Москвы-Сити», где находился офис, в час пик, а потом и уехать оттуда, нужно было потратить вагон времени. У Корнеева столько лишнего времени не имелось, поэтому он

предпочитал метро. Лиля частенько фыркала по этому поводу, говорила, что «несолидно», но Яр лишь отмахивался. Машина целее будет! Вот Лиля постоянно ездила на работу на своей «лошадке», как она ласково называла авто, и минимум раз в год разбивала очередную машину чуть ли не в хлам. Хорошо хоть сама отделялась лёгким испугом.

Изначально Яр собирался заскочить домой, чтобы хотя бы переодеться, и не только потому что гулять в деловом костюме — странная идея, но и потому что ему хотелось банально поменять одежду после рабочего дня, а заодно и быстро сполоснуться, дабы не казаться Алине вонючим взмыленным конём. Но начальник, будь он неладен с его совещаниями, спутал Яру все карты. Переносить время было как-то неловко: не в ночи же гулять, когда завтра на работу? Поэтому пришлось тащиться ко входу в парк в костюме, про себя надеясь, что не сильно благоухаешь.

Яр даже усмехнулся — дожили, его волнует, в каком виде он предстанет перед Алиной. Будто на свидание собрался! Обычная же дружеская встреча, просто прогулка по парку, и всё.

Да... и всё...

Пришлось усиленно напоминать себе об этом, как только Корнеев увидел возле входа в парк Алину. Погода была тёплая, поэтому оделась одноклассница по-летнему — светлый сарафан до колен, белые босоножки, лёгкая маленькая сумочка через плечо из материала, похожего на натуральный

лён, с ярким рисунком — красными маками. И всё бы ничего, но у сарафана был настолько соблазнительный вырез, что Яр с трудом собрал глаза и заставил себя поднять их выше.

Но легче не стало. Корнеев всё равно продолжал думать о том, что скрывает этот вырез и как же хочется посмотреть туда ещё раз.

А Алинка — беспечное существо! — просто стояла и улыбалась. И, кажется, вообще абсолютно не заморачивалась на тему того, что старый друг сейчас таращился на её грудь. Яр вообще не удивился бы, если бы Пирожок выдала что-нибудь вроде: «Ой, да подумаешь! За просмотр денег не берут!»

— Привет, — Алина радостно помахала Яру рукой. И вновь он подумал о том, что и поцеловать её сейчас не может, и обнять — потому что у них это просто не принято. И как это исправить? Да и надо ли? Если Пирожок прижмётся к нему своими «пирожками» — он же задымится, как печка с засорившейся трубой. — Хорош! Сразу видно — деловой человек, не то что я. Предупредил бы! Я бы тогда тоже в костюмчике пришла. А то мы вместе не смотримся, и это грустно.

Яр засмеялся и подхватил Алину под локоть. Кожа на её предплечье под его ладонью была прохладной и нежной, и моментально захотелось не просто положить руку, чтобы идти дальше рядом, а провести ею вниз, а затем вверх, лаская всё, что находится в зоне доступа. Корнееву даже на мгновение стало любопытно: а что, если действительно так сделать?

Алина вообще обратит внимание на его движение или проигнорирует, решив, что ничего странного в подобном нет?

Честно говоря, Яр не мог спрогнозировать, как поведёт себя Пирожок, но проверять не собирался.

По крайней мере пока.

Алина

Когда Яр подходил к парку, мне показалось, что он таращился на мою грудь. Поначалу я действительно думала, что почудилось, но, пока мы гуляли, пришлось признаться самой себе: ни фиги.

Да, Корнеев действительно периодически залипал в мой вырез, но очень старался делать вид, что это случайность, — сразу поднимал глаза и нарочито смотрел куда угодно, только не ниже шеи.

Меня это сместило, причём больше не сам факт залипания, а реакция Яра. Он явно опасался меня обидеть своим физическим интересом. Как будто я маленькая девочка и не знаю, что мужчина может возбудиться на привлекательное для него женское тело, невзирая на то, кому оно принадлежит. Чистейшая физиология. И нечего тут стыдиться. Но я понимала, откуда растут ноги у этого стыда — наверное, я бы тоже смущалась, если бы вдруг начала залипать на Яра, любоваться его заросшим бородой лицом или волосатыми ногами. Сейчас ноги Корнеева были не видны — костюм же! — но я не сомневалась, что они волосатые.

— О чём ты думаешь с такой загадочной улыбкой? — поинтересовался Яр, вышагивая за мной под ручку по одной

из самых красивых аллей в нашем парке — Сиреневой. Сейчас как раз вся сирень по обе стороны от дорожки цвела, наполняя свежий вечерний воздух медовым ароматом. Сирень здесь была разноцветная — и белая, и светло-лиловая, и тёмно-фиолетовая, и какая-то словно даже более пушистая, чем обычные сорта, — на любой вкус. Хотя я никогда не понимала людей, которые срезают сирень, чтобы поставить дома в воду. Я могла терпеть её запах только на улице — в квартире он казался мне слишком тяжёлым, удушающим, словно я вдруг разлила в комнате целую упаковку духов.

— Ой, не поверишь, — хмыкнула я и по-дружески слегка ткнула Яра локтем в бок. — Я думала о том, волосатые у тебя ноги или нет.

Корнеев закашлялся от смеха.

— Пирожок, ну ты даёшь... Серьёзно, что ли?

— А почему нет? — Я показательно пожала плечами. — Тебе можно смотреть на мои сиськи, а мне нельзя думать про твои ноги? Где тут, спрашивается, справедливость?

Яр виновато на меня покосился, и я фыркнула. Надо его всё-таки избавить от этой дурацкой заморочки. Нашёл из-за чего переживать! Хотя это лучше, чем думать про Лилу, конечно. И тем не менее!

— Алин, я...

— Человек, а не робот, — перебила я Корнеева, пока он не сказал какую-нибудь чушь. — То бишь не только ешь, спишь и ходишь в туалет, но ещё и на грудь и попу загляды-

ваешься. И порнушку небось смотришь. Нет, молчи! Если ты не смотришь порнушку, я этого не переживу.

— Почему? — спросил Яр, почти хохоча, и я, вздохнув, нарочито печально произнесла:

— Потому что я-то смотрю! Не надо напоминать мне о моём несовершенстве...

Корнеев даже не хохотал, он уже откровенно ржал, отпустив мой локоть и схватившись за живот. И настолько это было заразительно, что я и сама улыбнулась, глядя на весёлый блеск в глазах Яра.

— А Лиля говорила, что это «фу-фу-фу», — усмехнулась Корнеев через несколько секунд, перестав наконец заходиться от смеха. Лилия! Нашёл кого вспомнить. Ещё бы про английскую королеву упомянул.

— Пф-ф-ф! — я махнула в сторону Яра рукой, будто муху отгоняла. — Конечно, принцессы не смотрят порнушку. Точнее, смотрят, но одним глазом. А одним глазом не считается!

Друг вновь рассмеялся, а затем неожиданно признался:

— Она тут фотографию у себя выгрузила. Сидит в ресторане, вся из себя такая счастливая, а на руке кольцо, которое ей надел в день свадьбы. Как ты считаешь, это нормально?

Тьфу! Опять эта Лилия. Я-то надеялась, что сумею избавить Яра от мыслей о ней, но он опять начал гнуть свою линию.

— Конечно ненормально. И вообще она ненормальная,

Яр. Давай не будем про неё, а? У тебя только настроение испортится. Мне вот Лёшка сегодня написал, тоже ещё один ненормальный выискался.

— А он что хотел? — тут же напрягся Корнеев. Даже, я бы сказала, набычился, будто готовился драться за мою девичью честь.

— А фиг его знает. Спросил, как дела. Я ответила, что по-старому. Ничего, в общем, интересного.

Постепенно я всё же увела Яра в сторону от мыслей про его жену. Сначала перевела разговор на Лёшку и его закидоны, потом на свою работу, потом на работу Корнеева — и ничего, так Лиля в тот вечер больше и не вспомнилась. Жаль, что это наверняка ненадолго и морочиться Яр будет ещё приличное количество времени. Всё-таки он её сильно любил.

Возможно, намного больше, чем я любила Лёшку.

Кстати, о бывшем муже... Он действительно продолжал мне писать после того, как я один раз ему ответила. Я обнаружила это уже дома, перед сном, когда залезла в телефон, чтобы проверить, точно ли на завтра поставлен будильник. Если я не проснусь — это будет катастрофа.

«А давай встретимся, Алин? — предлагал Лёшка то, от чего глаза у меня в буквальном смысле полезли на лоб, если не выше. — Посидим, поболтаем по-дружески. Я угощаю».

Не-е-е, я, конечно, человек не злобный. Но не до такой же степени!

Поэтому я просто проигнорировала Лёшкино сообщение.

Ярослав

Расставаться с Алиной не хотелось, но около одиннадцати пришлось всё-таки возвращаться домой. Шли вновь по Сиреневой аллее, и Пирожкова неожиданно для Яра шагнула с дорожки в сторону и начала рассматривать одну из веток.

— Ты что там ищешь? — удивился Корнеев и шагнул следом, встав за спиной у Алины. Поначалу смотрел на ветку, как и она, но потом невольно перевёл взгляд на шею девушки. Видно её было отлично, потому что Пирожок в этот вечер убрала волосы наверх, собрав их заколкой — выбивались только несколько прядей возле ушей. И её кожа, белеющая в предночном сумраке, светлая и словно светящаяся, и небольшая открытая часть спины безумно манили к себе. Желание прикоснуться к Алине было настолько острым, что Корнеев даже кулаки сжал. Хотя помогло не очень — прикасаться-то можно не только руками, но и губами.

— Цветок с пятью лепестками, — вздохнула Алина. — Всю жизнь мечтаю найти, каждый год ищу, но никогда не получалось. Не везёт! Ой, Яр, не дыши мне в шею — щекотно же!

Щекотно.

От этого слова, сказанного доброжелательным тоном, у

Корнеева в прямом и переносном смысле всё опустилось. Он тут, понимаешь, страдает и сдерживается, вдыхая аромат Алинкиной кожи — свежий и слегка молочный, как йогурт с лимонным соком, — а ей хоть бы хны. Щекотно ей, блин!

— Ладно, постараюсь, — ответил Яр, непроизвольно вздохнув, и Алина зашлась в искреннем смехе, развернулась к нему лицом и положила свои ладони ему на плечи. Теперь перед глазами у Корнеева было её лицо, искрящееся улыбкой и ласковым теплом в глазах, а ещё — пышная грудь. Хотя нет, та была ниже, но стоит опустить взгляд...

— Попробуй ты, — мягко сказала Алина и подтолкнула его к кусту сирени. — Может, тебе больше повезёт.

Яр усмехнулся. Ему — повезёт?

— Не припомню, чтобы мне когда-нибудь везло.

— Неправда! Вчера тебе повезло, когда ты меня встретил.

— Это да, — признал Корнеев, и Пирожок хихикнула.

— Вот видишь, значит, везёт!

— Значит, лимит моего везения на эту неделю исчерпан.

— Вчера было воскресенье, — фыркнула Алина. — Прошлая неделя. А эта только началась. Давай, ищи уже! А то скоро ещё темнее будет, собственного носа не разглядишь, не то что лепестки цветов.

— Раскомандовалась... — шутливо пробурчал Яр, но начал всматриваться в цветы. И, к его искреннему удивлению, почти сразу увидел сирень с пятью лепестками. — Да вот же! И как ты не заметила?

— Слушай, точно! — протянула Алина то ли восхищённо, то ли разочарованно. — Вот у тебя глаз — алмаз! Не то что у меня. Срывай давай. И желание загадывай. Мысленно или вслух. А потом ешь.

— Напоминает дурацкую традицию с поеданием сожжённых бумажек на Новый год.

— Сам ты дурацкий! — показательно надулась Алина. — Я всегда так делаю.

— И как — сбывалось?

— Я загадываю мир во всём мире, — развела руками Пирожок, и Яр хмыкнул. Да уж, невозможнее желание сложно придумать — если только загадать полёт на Марс. Хотя это ещё осуществимо, пусть и не сейчас, а через много-много лет. А вот мир во всём мире — да, утопия. Но желание точно в духе Алины. — И не надо мне говорить, что оно не сбывается! Может, ядерной войны до сих пор нет, потому что я это загадываю?

— Скорее всего, — приняв серьёзный вид, кивнул Корнеев. — Значит, цветочек нужно съесть... А мне от него ничего не будет?

— Ничего. Максимум понос. Но ты взрослый дядя, переживёшь.

— Добрая ты.

— Очень!

Хмыкнув, Яр на несколько мгновений задумался. Фигня, конечно, полнейшая — какое желание, какое поедание цве-

точков? Понятное дело, что это ерунда, легенда для детей, из разряда поверья про цветущий папоротник. Но почему бы и не подурачиться? С него же не убудет, если он сейчас на самом деле загадает желание. Но лучше, конечно, что-нибудь шутовское. Своё самое заветное — про Соню, которую хотелось забрать после развода, — естественно, озвучивать не стоит. Кошунственно как-то.

Поэтому Яр, улыбнувшись, подумал:

«Хочу увидеть Алинку обнажённой».

И слопал цветок.

Ярослав

Дома Корнеев не сразу вспомнил, что весь вечер не брал в руки телефон. Поговорил только с Соней перед выходом с работы, объяснил, что будет занят и заранее желает ей спокойной ночи, а потом уже не заглядывал в мобильник и не ведал, что всё это время Лиля вела с ним диалог.

Точнее, это был монолог.

«Мне нравится моё кольцо», — гласило первое сообщение. Яр, увлечённый душевным вечером с Алиной, сообразил, о каком вообще кольце речь, только через пару минут. Даже удивился, когда вспомнил, — и как он мог забыть? Неужели на него Пирожок так влияет? Видимо, да, она.

Следующее сообщение было ещё забавнее.

«А ты что, жмотишься?»

Корнеев усмехнулся, покачав головой. Вот как так можно? Ушла от него к другому мужику, спихнула дочь бабушке с дедушкой — а теперь упрекает в недостатке, которого у Яра отродясь не водилось, и Лиля об этом знает.

«Может, ещё и совместно нажитое имущество делить собираешься? В том числе кольцо!»

Вот уж что Корнеев не собирался делать, так это унижать себя подобными судами. Его единственной настоящей цен-

ностью была Соня — всё остальное он спокойно мог отдать.

«И зачем тебе это кольцо? Будешь на мизинце носить? Или новой женщине подаришь? А то ты наверняка же денег на ухаживания не наскребёшь!»

Яр поморщился. Да, он знал, что для Лили решающим аргументом в пользу того, чтобы долго не отвечать на его ухаживания, было отсутствие у Корнеева больших денег. По сути, он переломил её сопротивление, заставил послушать сердце, а не разум. Но ведь это было давно, больше десяти лет назад, ещё в институте! Яр считал, что Лили давно пережила то своё предубеждение, — сейчас-то он прилично зарабатывал. Больше, чем она. Не миллиарды, но вполне достаточно на безбедную жизнь. Лили регулярно меняла машины, любила новую красивую одежду, в отпуск ездила минимум дважды в год, и не в Турцию. Но, видимо, не пережила, раз сейчас прошлась по его доходам. Может, она и ушла в первую очередь не к другому мужчине, а к другим деньгам?

Яр даже не знал, что из этого более мерзко звучит.

«Ладно, так уж и быть. Мне мой Павлик подсказывает, что купит другое кольцо, лучше. А это можешь забирать!»

Павлик, значит. Вот как зовут мужчину Лилиной мечты. Неужели она и правда выйдет за него замуж?

«Передам колечко тебе, когда на днях приеду повидаться с Соней. Сойдёт? Или надо лично в руки?»

Это было последнее сообщение, и Яр, хмыкнув, ответил:

«Спусти его в унитаз. Там ему самое место».

Перед сном Корнеев зачем-то залез на сайт организации, где работала Лиля, решив посмотреть информацию о дирекции. Может, будет там и загадочный «Павлик»?

Павлик был. Яр не знал, тот самый или это всего лишь совпадение, но Павлом Юрьевичем Бариновым звали президента компании.

Ух ты, целый президент! Да уж, куда до него Яру, художничному руководителю отдела логистики. Конечно, у президента доходы не в пример больше. Может не только машину подарить, а целый самолёт. Если захочет, конечно.

Больше Яр не сомневался — Лилия спелась с этим своим Бариним исключительно из-за денег, а не по причине большой и чистой любви. Прозвище Барин ему очень подходило — с экрана Яру улыбался крупный мужчина с ярко выраженным животом, правда скрытым пиджаком. Лилия язвительно называла таких «беременными мужиками» и презрительно фыркала. Она вообще часто «судила по обложке» и в мужской внешности ценила мускулистый торс, сильные руки и ярко выраженную мужественность. Так что польститься на Барина Лилия могла лишь из-за денег.

Корнеев ещё понял бы подобные мотивы, будь его жена бедной девочкой из провинции — как говорится: хочешь жить — умей вертеться. Но Лилия, мягко говоря, не была бедной. Хотя, возможно, это с точки зрения Яра не была? А ей всегда хотелось быть ещё богаче? Как старухе из сказки про

Золотую Рыбку?

Только вот та сказка для той старухи плохо закончилась.

Алина

Рабочая неделя промелькнула быстро: раз, два — и нет её. И для меня она была бы весьма привычной, если бы не несколько факторов.

Фактор первый: Лёшка писал мне ещё пару раз, предлагал встретиться и даже заявил: «Алин, ну пожалуйста, я тебя очень прошу», — после чего я, чертыхнувшись, всё-таки отправила его аккаунт, вместе с номером телефона, в чёрный список. Что конкретно нужно бывшему мужу, я не имела понятия, но была уверена — ничего что мне бы понравилось.

Фактор второй: мы с Яром продолжали встречаться по вечерам, причём каждый день, даже во вторник и четверг виделись — хотя в эти дни он ездил к дочке. И не только гуляли в парке, но ещё и ко мне в гости заходили — я, понимая, что Корнеев вряд ли будет самого себя хорошо кормить, приглашала его на ужин. А он и рад стараться, наяривать приготовленное! Уплетал всё так, будто вечность не ел.

Потом-то я поняла почему, когда Яр признался, что его Лиля не готовила ничего, кроме завтраков. Соскучился по домашней еде. Что бы мужики ни говорили, как бы ни утверждали, что им нормально, если женщина не готовит, — ни фига не нормально. Любят они вкусно поесть дома. А до-

ставка — это всё-таки не то, даже из самого лучшего ресторана. Наесться можно, но не душевно как-то.

Вот Яр и оттягивался. Я не возражала — надо же ему как-то лечить раны на сердце? Вот пусть едой их лечит. Авось быстрее пройдут. Главное, чтобы жиром не заплыли!

И наконец, фактор третий: Корнеев в среду пришёл ко мне на экскурсию!

Серьёзно: отпросился с работы и пришёл. Причём заранее не сказал, сюрприз решил сделать. Я по средам водила экскурсию под названием «Москва дипломатическая» — показывала самые красивые посольства и прочие государственные дома. Мы эту экскурсию вводили как экспериментальную: думали, не будет популярна. Но оказалась очень даже! Многим интересно посмотреть на посольства разных стран хотя бы снаружи, увидеть здания Думы и Министерства иностранных дел. Чтобы успеть всё-всё, даже на метро приходилось немножко кататься. В метро я тоже обычно не даю своей группе заскучать — рассказываю историю станций. Взять хотя бы «Маяковскую» — многие, попав на неё, не понимают, как эта станция могла много лет назад взять какую-то там премию. Не догадываются посмотреть на потолок! А ведь не всегда всё самое красивое видно сразу, иногда нужно ещё и смекалку проявить.

Впрочем, я опять отвлеклась.

Я была безумно удивлена, увидев среди своей группы улыбающегося Яра. Сама расплылась в улыбке и стояла тарачи-

лась на него несколько секунд, как влюблённая дурочка. Так приятно было, что он пришёл! Просто счастье. Я чуть нужные слова не забыла от радости, с трудом сосредоточилась. И всю экскурсию то и дело старалась не отвлекаться и лишний раз на Яра не смотреть — слишком уж он был красивый в своей белоснежной рубашке и светло-голубых джинсах. На него даже обратили внимание несколько молодых хихикающих девчонок, и я тоскливо вздохнула: эх, ну что за непруха! Я тут, понимаешь, работаю, а он девиц очаровывает. Причём сразу троих!

Думала, после окончания экскурсии — завершала я её возле метро «Тверская» — Яр уйдёт: либо отправится на работу, либо куда-нибудь с девчонками намылится. Но нет, они ушли, а он остался стоять, с улыбкой, от которой даже у меня подкашивались ноги.

— Пирожок, ты талант, — произнёс Корнеев с восхищением, когда ушёл последний человек из группы, не считая Яра. — Честно признаюсь: я, когда сюда шёл, думал, со скуки помру. Но ты так интересно рассказываешь! Особенно мне понравилось про шпиль на здании Министерства иностранных дел. Я раньше и не замечал, что только на нём из семи сталинских высоток нет звезды.

Я тут же просияла. Приятно, когда тебя слушают! А про шпиль и правда интересно — его ведь когда-то хотели демонтировать. Существует легенда, что архитектор лично обращался к Хрущёву с просьбой его снять, но получил ответ:

«Пусть он останется глупостью Сталина».

— Да, а ты знаешь, что эти высотки должны были стать обрамлением для Дворца Советов? Того самого, который собирались построить на месте взорванного храма Христа Спасителя? Но так ничего и не получилось, и там много-много лет находился бассейн «Москва», пока...

— Алин, стоп-стоп-стоп! — засмеялся Яр, замахав на меня руками. — Я понимаю, что ты можешь рассказывать бесконечно, но давай лучше быстренько пообедаем, а потом я поеду на работу?

— Пообедаем? — переспросила я с удивлением. — Я думала, ты торопишься...

— Я отпросился на полдня. С утра ездил на своё прошлое место обитания, искал кое-какие документы. В пятницу собираюсь в суд.

— Вместе с Лилей?

— Обещала вроде бы прийти. А там — кто её знает? Так что, пойдём в кафе?

Конечно, я согласилась. Разве же я могла отказать Корневу после того, как он три с лишним часа слушал мою экскурсию? А ведь он всегда терпеть не мог историю, так что для него это почти подвиг.

В кафешке, сделав заказ, я подколола Яра, решив припомнить ему тех девчонок, которым он недавно расточал сладкие улыбки:

— А я думала, ты с поклонницами уйдёшь.

— С какими поклонницами? — Корнеев посмотрел на меня с таким недоумением, будто бы я сказала нечто удивительное. Например, начала спорить, что на Марсе есть жизнь.

— Ты во время экскурсии рядом с тремя девчонками стоял. Молодые такие совсем, хорошенькие. Они, по-моему, все втроём на тебя запали. Не знаю, какая сильнее.

— Да? — Яр усмехнулся. — Ну возможно, я не заметил. Я больше на тебя смотрел. Ты, когда экскурсию ведёшь, так преображаешься.

— Похожа на школьную учительницу? — Я поиграла бровями, и Корнеев засмеялся. Искренне так, открыто. Как же замечательно, что он своей Лилей не слишком заморачивается! Хотя, возможно, и заморачивается, просто не говорит. Но по крайней мере тоски в глазах не просматривается.

— Нет. Ты похожа на фею, — честно сказал Яр, и я на мгновение растерялась.

— Вот это комплимент! — восхитилась в конце концов, прижав ладонь к груди. — Я — фея! Но где тогда моя волшебная палочка?!

— У тебя нет волшебной палочки. У тебя пыльца.

— А-а-а! Я, наверное, её из волос вытряхиваю. У других это называется перхоть, а у меня — пыльца!

Яр кашлянул, а потом засмеялся и сказал, качая головой:

— Ну Алина! Такой образ испортила.

— Каюсь! — Я развела руками. — Нехороший человек,

редиска. А вообще ты прав, я и правда похожа на фею. Знаешь почему? Феи — это такой рабочий класс. Они во всех сказках — героини второстепенные. Прилетела, Золушку передела, улетела. Не припомню, чтобы фею хоть раз принц полюбил. Всё им принцесс подавай! Нет бы на фею посмотреть.

Яр всё хохотал и хохотал, а я, глядя на него, почему-то думала, что пройдёт совсем немного времени — и Корнев наверняка найдёт себе другую принцессу взамен Лили. И думать забудет про своего друга — фею. Не верила я, что Яр долго продержится в одиночестве. Такие мужчины на вес золота! Заберёт кто-нибудь.

И что-то меня при мысли об этом такая тоска взяла, что даже мороженого захотелось.

Ярослав

Разговор о «поклонницах» навёл Корнеева на определённые мысли, которые поначалу показались глупыми, если не сказать абсурдными.

Нет, девчонки действительно были — тут наблюдательная Алина права, а Яр немного слукавил, когда говорил, что не заметил их. И при этом изучал лицо собеседницы: а уж не ревнует ли она?..

Корнеев и сам обалдел, осознав, что ему было бы приятно, если бы Алинка ревновала. Но нет — она, кажется, просто подтрунивала над ним по своей извечной привычке, с доброй улыбкой и весёлым блеском в глазах.

И Яр неожиданно подумал, что всем поклонницам в мире предпочёл бы Алину.

Мысль была такой волнительно-острой, и в то же время невозможной, что Корнеев постарался поскорее отместить её в сторону. И всё-таки в процессе разговора с Пирожком Яр несколько раз возвращался к этой идее.

Логическая цепочка была проста: заводить новые отношения, даже ради секса, Корнеев не собирался. Нет уж, предыдущие стоили ему слишком дорого, полностью уничтожив желание с кем-то знакомиться и пытаться что-то построить.

Но Яр не был наивным младенцем и понимал, что рано или поздно ему захочется интима. Откуда его взять? Проститутку нанять? Нет, это фу. Поймать одноразовую партнёршу в ночном клубе? Ещё более фу. Так легко стать постоянным клиентом венеролога. Нужно искать другие способы, и Алина была бы идеальным вариантом решения этой проблемы.

Вот только как её в этом убедить? Яр отлично осознавал, что Пирожок его доводов не примет. Отшутится, а если он будет настаивать, треснет по голове, чтобы мозги на место встали. Для неё это наверняка дикость. Спать с Корнеевым — что за странная идея? У Алинки, скорее всего, даже сексуальных фантазий на эту тему не было. В отличие от него.

Поэтому Яр временно поставил свои планы на паузу, но зарубку в уме сделал, решив, что всё-таки стоит попытаться убедить Алину немного сдвинуть границы их отношений. Попытка, как говорится, не пытка.

В четверг Корнеев ездил навестить Соню. Дочке у тестя и тёщи было отлично, но она тем не менее скучала по родителям, особенно по маме, которая ещё ни разу не приезжала, только звонила. Яр воспользовался случаем и осторожно поинтересовался, не хочет ли Соня переехать на постоянное место жительства к нему? И был абсолютно огорошен, получив честный детский ответ:

— А бабушка говорит, что это всё ерунда и вы с мамой не разведётесь!

Хорошо, что Корнеев в этот момент сидел на пуфе в комнате дочери — иначе пришлось бы срочно искать, куда приземлиться, не удержавшись на ногах от изумления.

Ну Инга Михайловна даёт, конечно. И зачем говорить такое Соне, зачем обнадёживать? А если разведутся? Как потом перед ребёнком оправдываться?

Видимо, тёща была абсолютно уверена, что не разведутся. В принципе, он сам в этом виноват — слишком уж трепетно и нежно всегда относился к Лиле. Вот Инга Михайловна и решила, что Яр всё равно простит и проглотит. Тем более что ребёнок общий есть, от которого никуда не деться и которым в любой момент можно шантажировать.

Вот как сейчас.

— Сонь, бабушка ошибается, — вздохнул Яр, решив сразу расставить все точки там, где надо. — Это просто её мысли и надежды. К сожалению, мы с твоей мамой точно разведёмся. Жить вместе мы больше не сможем.

— Но почему? — недоумевала Соня со слезами в голосе. — Бабушка говорит, что всё образуется и ничего страшного... Ты совсем другое говоришь...

— А маму ты не спрашивала?

— Спрашивала. Но она сказала, чтобы я слушала тебя.

Да, Лиля в своём репертуаре.

— Вот и слушай, Сонь. Мы с мамой будем жить отдельно. Ты можешь остаться с ней, а можешь поехать ко мне. Подумай, как ты больше хочешь?

Сонина нижняя губа задрожала, глаза стремительно наполнились влагой.

— Пап, я не знаю... — прошептала дочь, всхлипнула и заплакала. — Не знаю!

Яр обнял Соню и, вздохнув, погладил по тёмным волосам. Внешностью она пошла в Лилю — блестящие почти чёрные волосы, большие глаза-вишни, носик с горбинкой. Инга Михайловна всегда заплетала ей косу с лентой, подбирая по цвету к одежде, и Соня с такой причёской становилась похожа на маленькую княжну Джаваха из книг Лидии Чарской.

— Ничего-ничего, — пробормотал Яр, чувствуя себя бессильным перед лицом детского горя. — Всё будет хорошо. Мы с мамой тебя любим, Сонь, просто жить будем не вместе...

Потом Инга Михайловна его отругала, пошипев, что только зря расстраивает ребёнка — всё равно сойдётся с Лилей обратно. Корнеев даже возражать не стал: бессмысленно. Просто понял, что чем скорее он заберёт из этого дурдома дочь, тем лучше.

Ярослав

В пятницу Лиля всё-таки явилась к зданию суда. Корнеев специально назначил ей встречу чуть раньше, чтобы успеть поговорить по-хорошему, и обрадовался, когда почти бывшая жена не опоздала.

Правда, выглядела Лиля не очень. Глаза были красными, кожа бледной — будто Лиля всю ночь не спала. А может, вещества какие употребляла? Раньше Яр за ней такого не замечал, но кто знает, чего она нахваталась с этим своим Бариновым.

— Мне надо с тобой поговорить, — заявил Корнеев супруге и изрядно удивился, когда Лиля сказала то же самое одновременно с ним. Яр удивлённо прищурился, но кивнул и указал на свою машину. — Тогда пойдём, сядем.

Он насторожился, не зная, чего ожидать от Лили. В последнее время она «радовала» его своей непредсказуемостью.

А кольцо, кстати, так и не сняла...

Лиля устроилась на переднем сиденье и, поправив причёску небрежным жестом, тяжело вздохнула — будто безумно устала от всего на свете и срочно хотела в отпуск. Яру даже смешно стало, что она так вздыхает — сама ведь всё это

начала. Но его жена относилась к категории людей, считавших, что во всём происходящем виноват кто-то ещё, а не они сами. Результат избалованности или просто черта характера, Яр не знал. И раньше не заморачивался по этому поводу — его не ломало лишний раз извиниться перед Лилей, даже если он считал, что был прав. Чтобы она просто не расстраивалась.

Но сейчас извиняться он точно не собирался.

— Давай-ка я первый, — сказал Яр, поворачиваясь к жене. Лиля тоже развернулась, и на её лице, к изумлению Корнеева, появилось классическое выражение «я обиделась». Он хорошо его знал. Вот интересно, с чего вдруг обиды? Разве это не он должен обижаться? — Я предлагаю чередоваться: чтобы Соня жила то у тебя, то у меня. Тем более ты там личную жизнь налаживаешь, больше будет времени на себя. Давай я её заберу на лето? А осенью начнём чередоваться.

Лиля выслушала всё это с надутыми губами, выждала паузу и произнесла укоризненным тоном:

— Яр, а давай не будем горячиться? Я это и хотела сказать. Не надо сейчас подавать никаких заявлений на развод. Давай подождём?

— Чего подождём? — не понял Корнеев. — И зачем? Ты же замуж выходишь.

— Да он передумал разводиться, — вздохнула Лиля. А-а-а, так вот откуда заплаканные глаза и обиженный вид! Это не из-за Яра, а из-за Барина её. Рассчитывала выйти за него

замуж, а он, червяк, сорвался с крючка. Как наверняка пошутила бы Алина: «Вот же непруха!» — Ему и так, видите ли, хорошо. В общем, мне сейчас развод не нужен. Давай пождём?

Яр чуть не брякнул: «Зато мне — очень нужен», но вовремя прикусил язык.

Вот он сейчас скажет такое — и Лиля взбеленится, он же её знает. Ещё решит отыгаться на Соне, скажет ей что-нибудь, начнёт настраивать против отца. Нет, тут надо подумывать.

— То есть ты сейчас не хочешь подавать заявление? Давай-ка уточним: ты собираешься ждать, пока твой жених не захочет развестись? Или что?

— Ну-у-у...

На этот раз Лиля подобрала другое выражение лица — то самое, ради которого Яр раньше был готов на всё. Жалобно-виноватое. Мол, я знаю, накосячила, но ты же меня простишь?

Но теперь это больше не работало. Удивительно, как легко, оказывается, бывает разрушить хорошее отношение к себе.

— Ярик, я думаю, нам обоим надо немножко остыть. Давай пока поживём отдельно? Мы с Соней у себя, ты у себя. Я её завтра заберу от мамы с папой. Ты к нам заезжай в гости... И вот ещё что. Я думаю, нам нужен второй ребёнок.

Бах!

Корнееву показалось, что на него что-то упало. Нет, на самом деле ничего не падало — просто в голове от удивления словно что-то взорвалось.

Как можно такое говорить на полном серьёзе? Впрочем, зная Лилю — ещё и не то можно говорить.

— Нет, на второго ребёнка я не готов, — усмехнулся Яр, не зная, чего ему больше хочется — засмеяться или заорать. — Но в целом ладно, давай поживём отдельно. Вот только в гости я приезжать не буду. Я буду забирать Соню к себе.

— Почему? — Лиля хлопнула непонимающими глазами.

— Потому что я так хочу. Всё, вылезай. Раз мы не подаём заявление, я поеду на работу.

Яр надеялся, что со временем жене надоест играть в этот цирк и она найдёт себе кого-нибудь ещё. А может, этот Барин всё-таки разведётся с женой — если уж она узнала о любовнице. Неужели проглотит? Корнеев не представлял, как можно простить подобное унижение. Это ведь именно унижение: ты доверял, любил, а в тебя пренебрежительно плюнули. Никак такое не забыть. Смириться можно, но что это будет за жизнь? Нет, лучше одному.

— Хорошо, — процедила не слишком довольная Лиля и попыталась полезть за поцелуем, но Яр покачал головой и отстранился.

— Не надо. Не сейчас. Иди.

Уточнять, что теперь ему никогда её поцелуи не понадобятся, Корнеев не стал.

Алина

В пятницу вечером я возвращалась с работы как после бега на длинную дистанцию. Именно по пятницам у меня проходила самая объёмная экскурсия под названием «По памятным местам» — вариант обзорной, только неклассический формат. Начиналась она возле памятника «Дети — жертвы пороков взрослых», ну а дальше мы переходили через Лужков мост к Третьяковке и шли гулять по центру, разглядывая необычные памятники и по пути изучая историю города. Экскурсия была для самых выносливых и длилась дольше четырёх часов, обычно ближе к пяти. Один раз я даже почти шесть часов водила группу — среди туристов попались студенты истфака, замучили меня вопросами. Но остальные не возражали, слушали с интересом. Некоторые потом мне в качестве благодарности «чаевые» переводили — за дотошность и качественную работу. Мелочь, а приятно!

Пообедала я в кафе в центре города, потом зашла в «Библио-Глобус» на Лубянке — прикупить себе пару книжек. Выбирать книги в интернете я не люблю: их нельзя пощупать, а я обожаю именно щупать и листать. В итоге разорилась на целых пять изданий и, вздыхая о потерянных финан-

сах, поехала домой.

Возле метро встретила соседа со второго этажа — лопухого и слегка пузатенького Сергея. Мы с ним одного возраста, но, в отличие от меня, у него целых трое детей. Я даже не заметила, когда они с женой успели их настрогать! Вроде только вчера поженились, я и свадьбу их помнила. Свидетели весь подъезд заклеили сердечками и птичками, шарики везде развесили. Мне казалось, что это смешно — подъезд-то у нас, мягко говоря, «классический», то есть непрезентабельный. И клеить в нём птичек и сердечки — всё равно что обрызгивать дорогими духами помойку. Но чего не сделаешь ради красоты!

Сергей, увидев меня со здоровенным пакетом из книжного магазина, тут же пристроился рядом и принялся болтать — в основном о своих дочках. Старшая уже училась в школе, средняя должна была пойти осенью в школу, а младшая с этого года ходила в детский сад.

— Вчера чего устроила! — вещал Сергей с весёлой улыбкой. — Пришла и с порога — тьфу на пол! Плюнула, значит. Катя моя аж дар речи потеряла, а мелочь стоит, улыбается довольно. Хвалите, мол, меня, за мои новые умения. Ужас! Надо всё-таки девочек и мальчиков в отдельные группы водить.

— Почему ты думаешь, что её мальчик научил? — спросила я, веселясь. Хотя и грустно немного тоже было. Столько лет я на Лёшку-придурка потратила! Могла бы уже давно

родить. А теперь мне за тридцать, найти своего человека гораздо сложнее.

— А кто? — удивился Сергей. — Конечно, мальчик, девочки таким безобразием не занимаются!

Спорный вопрос, но я промолчала. Во-первых, ни к чему упоминать, что я в детстве была той ещё бандиткой — родители не дадут соврать. Мама утверждает, что я перманентно ходила с разбитыми коленками — то одну сбивала, то другую. Даже без сломанной руки не обошлась. Точно помню, каким кошмаром для меня стал гипс — как же, такое обидное ограничение, и надолго! Но зато я поумнела и стала бегать помедленнее.

Ну и во-вторых — я вдруг заметила Яра. Он стоял у подъезда, как почти неделю назад во время нашей первой встречи, и очень странным взглядом смотрел на меня и Сергея. Не признал его, наверное. Они с Катей поженились, когда Корнеев отсюда уже уехал. Она-то всегда тут жила, а Сергей — в другом конце города.

— Привет, Яр! — я помахала рукой и широко улыбнулась. — С окончанием рабочей недели тебя! Познакомься, это Сергей со второго этажа.

— Приветствую, — кивнул слегка мрачный Корнеев и подал моему спутнику руку. И тут же пошутил: — А я думал, ты себе жениха нашла, Алинка.

— Ага, трёх! — тут же отреагировала я, пока Сергей молча офигевал. Не привык к такому стилю общения, ясное де-

ло. — Один на втором этаже, другой на пятом, третий на десятом.

— На пятом этаже живу я. И этажей у нас всего девять.

— Значит, десятый — крыша!

— Так-с, ребята, пошёл я, — хмыкнул Сергей, видимо поняв, что пора валить из этого сумасшедшего дома. — Меня Катя заждалась уже. Я батареек обещал купить, а то у младшей там любимая игрушка разрядилась, это целая трагедия.

— Знакомая ситуация, — кивнул Яр. Сергей пошёл к подъезду, а я поинтересовалась у Корнеева:

— А чего ты тут стоял-то, у подъезда? Вроде без сумки, значит, никакие ручки не порвались.

— Тебя ждал, — честно ответил Яр, и я с подозрением прищурилась:

— А ты обедал?

— Нет.

— Ах, вот в чём дело, — понимающе засмеялась я. — Ты просто голодный, поэтому пришёл туда, где кормят. Пошли уж, раз пришёл. Как заявление-то, подали?

Вот зря я это вообще спросила. Не успела подумать.

А после того, как Яр ответил, у меня даже настроение испортилось.

— Нет. Сейчас расскажу.

Ярослав

Видеть Алину в компании с непонятным пузатым мужиком оказалось отчего-то неприятно. Что-то похожее Яр каждый раз ощущал, когда общался с её мужем, — в груди будто что-то стискивалось, как железными щипцами.

Да, странное ощущение. Не сказать что похоже на ревность — Яр несколько раз ревновал Лилю, помнил, какое огненное раздражение тогда испытывал. А с Алиной просто какой-то дискомфорт. Но главное: в этот момент чувство, что ты дурак, усиливалось до невозможности. Хотя с чего вдруг? Разве Яр делает что-то дурацкое? Вроде бы нет.

И шёл он после работы к Алине не потому, что хотел есть, — это было бы слишком примитивно, не настолько он пролот. Просто утренняя встреча с Лилей выбила из колеи. Яр уже настроился на подачу заявления на развод, а тут такой облом. И не слишком понятно, как действовать дальше.

А что если Инга Михайловна права — и Лиля на самом деле сейчас, вдоволь нагулявшись и поняв, что никто на ней не женится, начнёт активно склонять Яра к примирению? По характеру жена — как бульдозер: если чего-то захочет, будет добиваться до посинения. И Корнеев подозревал, что посинееет скорее он сам, чем Лиля. Решимости ей не занимать.

И Соню подключит во все эти шпионские игры. От Лили не стоило ждать благородства — она наверняка считает ребёнка своим козырем и будет использовать при необходимости.

При мысли об этом Корнеева заранее начинало тошнить и накатывало отчаяние. Куда ни кинь — всюду клин!

— Что ж ты такой загруженный, — вздохнула Пирожок, когда Яр сел за кухонный стол, а она начала бегать от холодильника к плите и обратно. Дала Корнееву в руки нож и огурец, поставила перед ним тарелку и сказала: — На вот, порежь. Можешь даже в капусту порубить, как воображаемых врагов. Вдруг легче станет?

— Врагов... — усмехнулся Яр, начиная чистить огурец. Невольно проводил взглядом Алину, на мгновение залипнув на её аппетитных ягодицах, но потом опустил глаза в тарелку. — Это ужасно, но получается, что мой первейший враг сейчас — Лилия. Кто бы мог подумать, а? Ещё месяц назад я считал её самым близким человеком.

— Когда Лёшка объявил, что уходит, знаешь, с чем я это сравнила? — сказала Алина, залезая в холодильник за какой-то кастрюлей. — Всё равно что жить на вершине горы — солнце, небо, травка зелёная, — и не знать, что на самом деле это никакая не гора, а вулкан. И однажды просто начнётся извержение — проглотит твой дом, сожжёт травку, забросает солнце и небо пеплом. Радуйся, если сам успел отскочить в сторону.

— Очень похоже, Пирожок. Только ты жила в своём до-

ме одна, а я с ребёнком. Вот мой вулкан передумал продолжать извержение и хочет, чтобы я вернулся на его вершину. И ребёнка собирается использовать, чтобы я побыстрее перебрался обратно.

— А-а-а, вот в чём дело, — протянула Алина понимающе. — Знаешь, даже удивительно, как мы с тобой сразу не сообразили, что именно этим и закончится. Хотя быстро она, конечно, передумала...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.